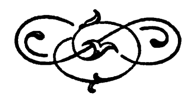
А. В. СЕМЕКА.

РУССКІЕ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

и

СОЧИНЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ПРОТИВЪ МАСОНСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1902 годъ.

Комедіи Императрицы Екатерины II противъ масонства до сихъ поръ не подвергались достаточно внимательному разсмотрѣнію: всѣ, писавшіе о литературной дѣятельности Императрицы, считали долгомъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ комедіяхъ, но дѣлали это какъ-то вскользь, мимоходомъ, какъ будто онѣ не заслуживаютъ особеннаго вниманія. А между тѣмъ онѣ требуютъ по крайней мѣрѣ такого же основательнаго разсмотрѣнія, какъ и другія литературныя произведенія Екатерины. Всѣ ея сочиненія имѣютъ одинаковый интересъ; останавливаясь на однихъ, обходить молчаніемъ другія или только упоминать о нихъ въ общемъ обзорѣ ея литературной дѣятельности не имѣется достаточнаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненія Екатерины имѣютъ, главнымъ образомъ, историческій интересъ: почти всѣ виды литературы XVIII столѣтія нашли себѣ выразителя въ лицѣ Императрицы. „Я любила дѣлать опыты во всѣхъ родахъ, пишетъ она о своихъ сочиненіяхъ, но мнѣ кажется, что все, написанное мною, довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я никогда не придавала этому никакой важности". Потомство смотритъ на ея „опыты" съ другой точки зрѣнія и находитъ въ нихъ особенный интересъ. Съ одной стороны, всѣ произведенія ея въ совокупности даютъ основательное знакомство съ содержаніемъ русской литературы XVIII вѣка; съ другой стороны, они даютъ возможность выяснить хотя нѣкоторые изъ внутреннихъ побужденій и помысловъ лица, стоявшаго во главѣ государства и принимавшаго участіе въ современной литературѣ.

Съ послѣдней точки зрѣнія сочиненія Императрицы Екатерины II

противъ масонства имѣютъ если не большую, то по крайней мѣрѣ такую же важность, какъ и другіе ея литературные труды. Наше масонство прошлаго столѣтія было крупнымъ явленіемъ въ русской общественной жизни. Императрица не сочувствовала ему, даже воздвигла на него гоненіе, и для насъ особенно интересно узнать, на чемъ основывала она свое несочувствіе и, какъ Императрица, свои преслѣдованія. Въ этомъ и помогаютъ намъ ея комедіи.

Кромѣ этого, изъ всей полемической литературы противъ масонства на русскомъ языкѣ лучшими, наиболѣе обоснованными, были комедіи Екатерины II. Почти всѣ другія сочиненія, направленныя противъ масонства (ихъ, впрочемъ, очень немного), были переведены съ иностранныхъ языковъ и носили шутливый характеръ: они осмѣивали обрядовую сторону масонства, почти не касаясь его внутренней стороны; а между тѣмъ послѣдняя и должна останавливать на себѣ особенное вниманіе. Кромѣ того, въ этихъ сочиненіяхъ, написанныхъ за-границей задолго еще до появленія масонства въ Россіи, не видно сколько-нибудь основательнаго знакомства съ предметомъ.

Между тѣмъ масонство было серьезнымъ общественнымъ движеніемъ и бороться съ нимъ приходилось серьезнымъ оружіемъ. Этимъ оружіемъ послужила Екатеринѣ сцена, съ которой она путемъ довольно основательнаго или кажущагося таковымъ разбора масонства, какъ общественно-бытового явленія, дѣйствовала на массу такъ, какъ она желала; сцена помогала Императрицѣ въ ея стремленіи воспрепятствовать быстрому распространенію новаго движенія; мѣры литературнаго характера она соединила съ мѣрами правительственными: однѣ оказывали существенную помощь другимъ. Отсюда ясно, что въ ея комедіяхъ противъ масонства мы должны искать не только поверхностнаго осмѣянія свободныхъ каменщиковъ, но и серьезныхъ обвиненій, которыя выясняли бы причины воздвигнутаго Императрицей гоненія на нихъ.

Что касается причинъ, по которымъ сочиненія Императрицы Екатерины противъ масонства не дождались еще внимательнаго разсмотрѣнія, то таковыя, по нашему мнѣнію, кроются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: изслѣдователи до сихъ поръ не разработали исторіи русскаго масонства настолько, чтобы можно было отдать себѣ ясный отчетъ въ его внутреннемъ содержаніи. Разработка вопроса о масонствѣ началась давно; много сдѣлано отдѣльныхъ экскурсовъ въ эту область, но до сихъ поръ всѣ полученныя свѣдѣнія не были сведены въ одно цѣлое, которое давало бы понятіе о характерѣ масонскаго

ученія; не могли до сихъ поръ уловить въ немъ никакой системы, тогда какъ послѣдняя несомнѣнно существовала и можетъ быть выяснена безъ особеннаго труда. Вслѣдствіе этого и оцѣнка масонства не можетъ быть однообразна. Поэтому разсмотрѣнію сочиненій Императрицы Екатерины противъ масонства я считаю необходимымъ предпослать по возможности ясную характеристику ученія русскаго масонства, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе его значительной вѣтви, вызвавшей, главнымъ образомъ, гоненіе со стороны Императрицы. Первоначальное ознакомленіе съ самимъ масонствомъ необходимо намъ еще и для того, чтобы мы имѣли право судить, насколько Императрица Екатерина была знакома съ его ученіемъ. Только зная послѣднее, можно понять при разсмотрѣніи комедій Екатерины, чѣмъ руководствовалась она въ своей ненависти къ масонамъ, и насколько эта ненависть оправдывалась знаніемъ дѣла. Пока не выяснено ихъ ученіе, очень трудно составить себѣ правильный взглядъ на значеніе сочиненій Императрицы Екатерины II въ полемической литературѣ противъ масонства.

Масонство, какъ извѣстно, появилось въ Россіи гораздо ранѣе восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II. Есть указаніе на существованіе его въ Россіи уже въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія. Вполнѣ же достовѣрная исторія масонства въ Россіи начинается съ царствованія Елизаветы Петровны. Именно, въ началѣ ея царствованія маіоръ Алсуфьевъ доносилъ ей о кружкѣ масоновъ, въ составъ котораго входили многія лица изъ русской знати: графъ Р. Л. Воронцовъ [1]) былъ гроссмейстеромъ ложи, которую составляли молодые гвардейскіе офицеры. Здѣсь мы встрѣчаемъ, кромѣ знатныхъ именъ князей Голицыныхъ, Апраксиныхъ, Трубецкихъ и др., извѣстныя впослѣдствіи имена Сумарокова, Болтина (историка), Мелиссино. Однако врядъ-ли эта молодежь серьезно относилась къ орденскимъ занятіямъ. По крайней мѣрѣ Елагинъ, вступившій въ масонство „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“, [2]) не нашелъ въ немъ ничего „притягательнаго“. По его свидѣтельству, въ то время въ ложахъ умѣли только „при торжественной вечерѣ за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бахусу“ [3]).

[1]) Отецъ извѣстной княгини Е. Р. Дашковой.
[2]) Онъ родился въ 1725 году.
[3]) Русск. Архивъ, 1864, стр. 592—4.

Впрочемъ, и самъ Елагинъ вступилъ въ орденъ, будучи увлеченъ лишь тщеславіемъ и любопытствомъ. Въ это время масонство не было еще оцѣнено русскимъ обществомъ и еще не привилось къ нему: не было еще людей, которые бы согласовали его ученіе со своимъ собственнымъ міровоззрѣніемъ и воспользовались имъ, какъ средствомъ распространенія въ массѣ своихъ преобразовательныхъ идей. Только тогда, когда поняли, что масонство какъ нельзя болѣе близко соприкасается въ главныхъ пунктахъ своего ученія съ идеями, начавшими распространяться въ обществѣ, на него было обращено серьезное вниманіе, и имъ воспользовались лучшіе умы того времени, такъ какъ масонство, какъ тѣсный кружокъ лицъ, связанныхъ между собой одиѣми и тѣми же идеями, какъ нельзя лучше должно было отвѣчать ихъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, до вторичнаго вступленія Елагина въ орденъ масонство было только случайно занесеннымъ къ намъ извнѣ явленіемъ, которому общество обрадовалось какъ новинкѣ: вступали въ орденъ потому, что это было модно, потому что въ тѣ времена была „на умы, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы".

Собственно исторія масонства въ Россіи, какъ серьезнаго историческаго явленія, начинается со времени вторичнаго вступленія въ орденъ Елагина. Онъ считается создателемъ такъ называемой „Елагинской системы", которую вмѣстѣ съ нимъ приняли люди, вполнѣ убѣжденные въ важномъ значеніи масонства, какъ средства распространенія въ обществѣ ихъ преобразовательныхъ идей. Русское масонство XVIII столѣтія вовсе не было, какъ принято утверждать, реакціей только противъ философіи энциклопедистовъ, вліяніе которой масоны считали развращающимъ. Русскіе масоны возстали противъ всеобщей деморализаціи общества, противъ его „злонравія", которое, въ связи съ вопросами о воспитаніи, составило важнѣйшій пунктъ въ современной литературѣ и придало послѣдней сатирическій оттѣнокъ. Правда, масоны нападали сильно на философію энциклопедистовъ, но нападали на нее только потому, что считали ее одной изъ главныхъ причинъ деморализаціи русскаго общества. Въ этомъ, конечно, наши масоны ошибались. Сама по себѣ эта философія ни въ чемъ не была виновата и громить ее было не за что; вооружаться слѣдовало не противъ нея, а противъ той легкомысленности, съ которой наше общество приняло философію энциклопедистовъ, ознакомившись съ нею слишкомъ поверхностно и извлекши изъ нея только то, что помогало,

опираясь на авторитеты, не углубляться ни во что и оправдывать свое легкомыслiе.

Лучшiе люди въ русскомъ обществѣ не могли помириться съ современной дѣйствительностью; они приходили въ ужасъ отъ деморализацiи общества и стали искать чего-нибудь прочнаго, на что можно было бы опереться, и что могло бы вывести ихъ изъ тягостнаго недоумѣнiя, въ которое поставила ихъ современная жизнь. Сперва борьба велась исключительно на литературной почвѣ: сатира заняла первенствующее мѣсто, и вся литература получила характеръ публицистики. Журналистика, драма, даже лирика въ одахъ Державина, все приняло видъ легкой, шутливой сатиры. Однако сатира не удовлетворяла стремленiй преобразователей: надо было не только осмѣять порокъ, но и указать обществу истинные пути, которыхъ оно должно держаться. Литературныя мѣры, притомъ сдерживаемыя самой Императрицей въ узкихъ рамкахъ легкой насмѣшки [1]), не могли оказывать достаточнаго влiянiя на общество, надо было бороться на практической почвѣ. Тутъ-то и обратили вниманiе на совсѣмъ было заглохшее масонство, которое держалось больше всего среди иностранцевъ въ Петербургѣ. Заглянувъ въ него поглубже, нашли въ немъ кромѣ сатиры и положительныя указанiя на идеалы, близко подходившiе къ идеаламъ, которые начали сформировываться и сознаваться лучшими умами вѣка. Припомнимъ вступленiе Елагина и Новикова въ масонство. Оба они „искали“, подвернулось масонство, и они, увидѣвъ, что отсюда можно извлечь то серьезное, котораго не давала имъ современная дѣйствительность, воспользовались имъ для своихъ цѣлей. Новиковъ, напримѣръ, вступилъ въ орденъ даже подъ условiемъ, что онъ покинетъ его, если не найдетъ въ немъ того, чего ему нужно было. Очевидно, масонство помогало ему найти точку опоры, съ которой можно было бы начать борьбу съ господствовавшимъ въ современномъ обществѣ духомъ. Лучшiе люди Россiи примкнули къ масонству и, сплотившись въ тѣсный кружокъ, распространили эту борьбу съ почвы чисто литературной на почву болѣе просторную—и литературную, и практическую. Они нашли въ масонствѣ все, что искали: строгую нравственность и стремленiе къ глубокому анализу, т. е. именно то, чего недоставало современному обществу. Они и воспользовались имъ какъ средствомъ, болѣе удобнымъ и,

---

[1]) Вспомнимъ полемику „Всякой Всячины“ (Екатерины II) съ „Трутнемъ“ (Новикова).

главное, болѣе надежнымъ, чѣмъ почва исключительно литературная. На этомъ основаніи мы можемъ сказать, что масонская литература была крупнымъ отдѣломъ русской публицистики XVIII вѣка, направленнымъ противъ распущенности нравовъ и легкомысленнаго отношенія къ религіи и знанію. Возставая противъ однѣхъ крайностей, масонство впало, къ сожалѣнію, въ другія, противоположныя имъ: такъ, стремленіе заставить легкомысленное русское общество глубоко анализировать привело масоновъ къ мистицизму въ религіозныхъ вопросахъ, къ произвольному толкованію Священнаго Писанія, къ мистикѣ чиселъ; стремленіе къ нравственной чистотѣ привело къ обскурантизму по отношенію къ человѣку и земной жизни. Одна крайность произвела по обыкновенію другую, ей противоположную.

Итакъ, когда масонство получило у насъ серьезное значеніе, оказалось, что оно не подчинило себѣ русское общество, но само подчинилось лучшимъ его представителямъ и ихъ идеаламъ. Дѣятельность Елагина, особенно Новикова и другихъ русскихъ масоновъ доказываетъ это: они только пользовались масонствомъ для своихъ преобразовательныхъ цѣлей. Поэтому мы имѣемъ право заключить, что ученіе русскаго масонства имѣетъ несомнѣнно тѣсную связь съ внутреннимъ настроеніемъ лучшихъ умовъ того времени; масонство только помогало имъ въ выборѣ того пути, котораго они искали сами. Г. Пыпинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что оно имѣло у насъ успѣхъ именно потому, что явилось выраженіемъ тѣхъ понятій, которыя были тогда въ русскомъ обществѣ [1]). Это дѣйствительно была у насъ первая нравственная философія, вызванная здравыми потребностями общественной мысли. Съ этой точки зрѣнія масонство имѣетъ большой интересъ для изслѣдователя.

Вслѣдствіе изложеннаго выше мы имѣемъ право выдѣлять русское масонство изъ обще-европейскаго какъ по чисто мѣстнымъ причинамъ, его вызвавшимъ, такъ и по его характеру. У насъ, соотвѣтственно этимъ причинамъ, масонство преслѣдовало значительно болѣе частныя цѣли, чѣмъ на западѣ: тамъ оно стремилось создать всемірную религію, — у насъ скромно желало улучшить нравственность русскаго общества и побороть развращающее, какъ полагали масоны, вліяніе философіи энциклопедистовъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что, знакомясь съ ученіемъ русскихъ масоновъ въ тотъ моментъ, когда оно достигло наибольшаго раз-

[1]) Вѣстн. Евр., 1895, № 7, стр. 268.

витія, благодаря дѣятельности лучшихъ русскихъ масоновъ—Шварца, Новикова, Лопухина и др., мы знакомимся съ идеалами, которые начали сознаваться значительной частью современнаго русскаго общества. Всѣ масонскія системы, пользовавшіяся распространенностью въ Россіи, въ главномъ сходились между собой; худшею изъ всѣхъ ихъ большинствомъ изслѣдователей считается система, носившая названіе „розенкрейцерства“ или „братства злато-розоваго креста“. Розенкрейцерство пользовалось у насъ широкой популярностью въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, во время полнаго расцвѣта русскаго масонства. Къ нему принадлежали лучшіе наши масоны—Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Поздѣевъ и многіе другіе. Благодаря имъ, розенкрейцерство стало быстро распространяться въ обществѣ и приняло настолько крупные размѣры, что вызвало даже гоненіе со стороны императрицы Екатерины II. Въ виду особой важности съ этой точки зрѣнія именно розенкрейцерства, я постараюсь дать очеркъ его ученія, какъ наиболѣе характернаго и наиболѣе распространеннаго во второй половинѣ XVIII вѣка; всѣ остальныя масонскія системы въ Россіи примыкаютъ въ главнѣйшемъ къ розенкрейцерству, не исключая и системы Елагина.

Оставляя въ сторонѣ обрядовую сторону, которая не имѣетъ съ нашей точки зрѣнія существеннаго значенія, мы приступаемъ прямо къ ученію розенкрейцеровъ [1]). Оно рѣзко раздѣляется на двѣ части: одну изъ нихъ можно назвать духовно-нравственной, другую—научной, философской. Первая взывала противъ упадка нравственности и указывала истинные пути къ спасенію, вторая стремилась удовлетворить другой потребности общества: дать пищу любознательному уму, замѣнивъ изученіе энциклопедистовъ самостоятельнымъ изученіемъ природы и давъ въ руководители этому изученію Священное Писаніе. Глубокій самостоятельный анализъ и искренняя вѣра противополагается здѣсь скептицизму энциклопедистовъ. Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ на двѣ части масонское ученіе преслѣдовало и двѣ цѣли: 1) познаніе самого себя и 2) познаніе Бога и природы („познаніе Бога въ природѣ и природы въ человѣкѣ“, по выраженію одного изъ

---

[1]) При изложеніи розенкрейцерской философіи я пользовался, главнымъ образомъ, почти не тронутыми рукописными матеріалами, хранящимися въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить искреннюю благодарность И. А. Бычкову за разрѣшеніе снять копіи съ нѣкоторыхъ интересныхъ рукописей.

цальныхъ масоновъ). Всѣ варіанты въ опредѣленіяхъ цѣлей масонства сводятся къ этимъ двумъ пунктамъ, и поэтому цѣли эти вовсе не такъ разнообразны и неопредѣленны, какъ полагали многіе изслѣдователи русскаго масонства [1]).

Духовно-нравственный отдѣлъ масонскаго ученія очень обширенъ: онъ даетъ критическую оцѣнку всѣмъ жизненнымъ проявленіямъ въ человѣкѣ и указываетъ послѣднему на идеалы, къ которымъ онъ долженъ стремиться.

Человѣкъ въ настоящее время, по выраженію Шварца [2]), есть „гнилой и вонючій сосудъ, наполненный всякой мерзостью". Но было время, когда онъ былъ совершеннымъ; онъ палъ и потерялъ свою чистоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ тѣ знанія о Богѣ и природѣ, которыя вложены были ему самимъ Богомъ. Осталась отъ этихъ знаній одна „искорка", ничтожныя воспоминанія. Эта оставшаяся „искра свѣта" переходила потомъ изъ устъ въ уста въ избранномъ кружкѣ мудрецовъ; остальное человѣчество и ее утратило. Мудрецы хранили эту искру, какъ величайшую тайну, и передавали ее только людямъ своего круга, т. е. мудрецамъ, которые стремились достигнуть прежняго совершенства. Такъ перешла наконецъ эта тайна къ религіознымъ еврейскимъ сектамъ ессеевъ и терапевтовъ, жившихъ во времена Христа и славившихся добродѣтелью [3]). Отъ этихъ-то ессеевъ произошелъ славный орденъ розенкрейцеровъ, получившихъ и „искру свѣта" вмѣстѣ съ добродѣтелью своихъ предковъ [4]). Какъ ессеи, такъ и розенкрейцеры стремятся при помощи путеводной звѣзды, этой „малой искры свѣта", познать всѣ тѣ тайны, которыми владѣлъ Адамъ до грѣхопаденія. Но Адамъ былъ тогда совершеннымъ, а съ потерей совершенства потерялъ и большую часть своихъ знаній; слѣдовательно, чтобы сдѣлаться обладателемъ послѣднихъ, надо сдѣлаться совершеннымъ, какъ Адамъ до паденія. Итакъ, *самоусовершенствованіе*—вотъ

---

[1]) Ешевскій, Незеленовъ.

[2]) Конспектъ чтеній Шварца, находящійся среди рукописей Имп. Публ. Библ., О III № 175, подъ заглавіемъ: „Лекціи И. Е. Ш. Разныя замѣчанія покойнаго Шварца".

[3]) См. Шварцъ. Лекціи о трехъ познаніяхъ. Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 40, л. 8.

[4]) Этой „искры свѣта" наши масоны тщетно старались добиться отъ ихъ западноевропейскихъ учителей. Поэтому-то оно и не пошло дальше *„теоретическаго* градуса," 4 степени розенкрейцерства. Первыя три степени никакихъ крупныхъ особенностей, сравнительно съ ученіемъ другихъ масонскихъ системъ, не имѣли.

первая цѣль истиннаго свободнаго каменщика; поэтому у насъ въ Россіи истинное масонство приравнивалось къ истинному христіанству, какъ преслѣдующее тѣ же цѣли; „истинный христіанинъ" и „истинный каменщикъ" считались синонимами [1]. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный" — вотъ девизъ масонства. Вслѣдствіе этого усовершенствованіе человѣка составляетъ основу всѣхъ мнѣній русскихъ масоновъ о цѣляхъ ордена. Вотъ, напримѣръ, какъ опредѣляется цѣль масонства въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка [2]. „Предметъ вольныхъ каменщиковъ" состоитъ въ томъ, чтобы „сдѣлать человѣка добрымъ и благополучнымъ чрезъ возвышеніе чувствъ, силъ его и познанія, дабы привести къ первоначальному источнику всѣхъ вещей и возвратить прежнее его подобіе Божіе, утраченное грѣхопаденіемъ, вкоренить ему паче всего чувство любви". Слѣдовательно, масонство есть „предуготовительное средство или школа для возбужденія понятій о исправленіи человѣка". Въ другихъ сочиненіяхъ этой цѣлью поставляется „премудрость", т. е. пріобрѣтеніе познаній, утраченныхъ Адамомъ [3]. Для достиженія этой цѣли необходимо, какъ мы говорили выше, усовершенствованіе человѣка. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ послѣднее является первою цѣлью масонства. Ту же цѣль поставляетъ и Шварцъ въ своихъ лекціяхъ [4]: „Всѣ человѣческія дѣйствія, говоритъ онъ, стремятся къ расширенію своихъ совершенствъ, и расширеніе совершенствъ есть та тайная пружина, которая Творцомъ дана человѣку для побужденія ихъ (т. е. людей) къ достиженію сокрытаго въ нихъ паденіемъ совершеннаго образа Божія". Это самоусовершенствованіе, „работа надъ дикимъ камнемъ" (т. е. надъ очищеніемъ грѣховнаго человѣка), какъ говорили масоны, составляло работу первыхъ трехъ „іоанновскихъ" степеней, — „параболическаго" или „голубого" масонства: такъ называли ихъ масоны изъ любви къ символикѣ. Эта же „работа надъ дикимъ камнемъ" называлась также „путь возрожденія во Христѣ [5]. Она состоитъ, по словамъ Шварца, въ томъ, чтобы „стараться облагородить тѣло наше".

---

[1]) Отсюда ясно видно, какъ далеки были наши масоны отъ утопической мечты своихъ западно-европейскихъ собратьевъ о созданіи всеобщей, міровой религіи.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 153. Статья: „Изъ рѣчей о масонскихъ изображеніяхъ".

[3]) См., напр., Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 167. Статья: „О предметѣ Св..го К...ства" (Свободнаго Каменщичества).

[4]) „О трехъ познаніяхъ", лекція 13. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 40.

[5]) См. Лопухинъ. Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, § 23.

Съ цѣлью очиститься отъ нашихъ недостатковъ, надо стараться познать самого себя, узнать, что въ насъ хорошо и что худо, и найти средства исправить дурное. Въ одномъ масонскомъ сборникѣ [1]) такъ опредѣляется работа первыхъ трехъ степеней.

„Мы работаемъ въ трехъ преддворіяхъ и въ притворѣ:

Надпись перваго преддворія есть:

„Познай самого себя“.

Надпись второго:

„Убѣгай зла“.

Надпись третьяго:

„Стремись къ добру“.

Въ тѣнистыхъ переходахъ притвора:

„Ищи въ себѣ самомъ истину“.

Далѣе мы находимъ слѣдующее: „По точному ученію ордена, какой бы старый масонъ ни былъ, и хотя бы имѣлъ самые высокіе градусы (т.-е. степени)“, не сдѣлалъ еще и перваго шага, если не познать своихъ недостатковъ. Поэтому *самопознаніе*—одинъ изъ первыхъ вопросовъ, трактовавшихся масонской наукой.

Въ этомъ же интересномъ сборникѣ мы находимъ и указанія на то, какъ слѣдуетъ познавать себя. Здѣсь совѣтуется быть внимательнымъ „къ источнику всѣхъ нашихъ дѣйствій и ощущеній“, каждый вечеръ „испытывать прожитый день“, слѣдить за исполненіемъ своихъ обязанностей какъ отца, слуги, офицера и пр., изучать другихъ людей, такъ какъ „самопознаніе и человѣкознаніе суть всегда неразлучны“, и собственные недостатки сознаются путемъ сравненія себя съ другими.

Познавъ такимъ образомъ свои недостатки, розенкрейцеры готовились къ очищенію отъ грѣховъ, къ самоусовершенствованію путемъ „крещенія водою и духомъ“. Подъ крещеніемъ водою слѣдуетъ разумѣть очищеніе „раскаяніемъ о всѣхъ прошедшихъ злодѣяніяхъ, слезнымъ орошеніемъ повседневныхъ грѣховъ нашихъ, твердымъ намѣреніемъ исправленія жизни“ [2]). Что касается крещенія духомъ и

---

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ., F. III, № 159. „Матеріалы для каменщиковъ“. Объ этомъ интересномъ сборникѣ, дошедшемъ до насъ во многихъ спискахъ, упоминалъ еще Ешевскій въ своей замѣткѣ: „Нѣсколько замѣчаній о Н. И. Новиковѣ“. Собр. соч. Ешевскаго, ч. III, изд. Солдатенкова. М. 1870.

[2]) См. Рук. Имп. Публ. Библ. F. III № 47. Авторъ рѣчи, изъ которой я взялъ эти отрывки,—орловскій вице-губернаторъ и предсѣдатель розенкрейцерской ложи въ Орлѣ, Захаръ Карнеевъ; ему принадлежитъ много рѣчей, заключенныхъ въ двухъ сборникахъ: F. III, № 47 и F. III, № 48; всѣ онѣ скрѣплены его подписью.

огнемъ, то масоны относили его „къ учиненію насъ способными къ принятію Духа Божія, сообщаемому намъ въ словѣ Божіемъ“; это полученіе способности „принятія Духа Божія“ слѣдовало непосредственно за крещеніемъ водою. Послѣднее, какъ путь очищенія, начинается въ „символическомъ“ масонствѣ (въ первыхъ трехъ степеняхъ) и „приближается къ совершенству въ настоящей теоретической степени [1]), гдѣ не токмо подтверждаемъ мы чистоту жизни нашей чрезъ отреченіе суетъ міра, но готовимся и къ совершенію крещенія духомъ и огнемъ“. Это „крещеніе духомъ и огнемъ“, мистическое соединеніе съ Богомъ, разрѣшающее тайны, сообщаемыя намъ въ Словѣ Божіемъ, осталось не достигнутымъ нашими розенкрейцерами, которые не пошли дальше теоретической степени, гдѣ къ нему только готовились.

Итакъ, первымъ средствомъ къ самоусовершенствованію является самопознаніе, соединенное съ покаяніемъ. Вмѣстѣ съ покаяніемъ въ совершенныхъ поступкахъ требуется и „убѣганіе зла“, т.-е. стремленіе избѣгать всего того, что можетъ дурно повліять на нравственность; это „убѣганіе зла“ достигается покореніемъ низменныхъ страстей. „Когда человѣкъ выйдетъ чрезъ моленье ко Христу Богу… и пойдетъ, оставя семь смертныхъ грѣховъ,—читаемъ мы въ одномъ масонскомъ сборникѣ [2]), содержащемъ въ себѣ отрывочныя замѣтки какого-то розенкрейцера,—и пройдетъ таковыя-жъ искушенія душевныя, а потомъ духовныя, потомъ и будетъ достоинъ любви Христовой, т.-е. царствія небеснаго“…

Это „убѣганіе зла“ состоитъ въ „оставленіи семи смертныхъ грѣховъ“; а грѣхи эти—„высокомѣріе (гордость), скупость, неумѣренность, похоть, корыстолюбіе, праздность и гнѣвъ“ [3]).

Къ сожалѣнію, въ своемъ стремленіи „убѣгать зла“ масонство иногда доходило до крайности совершеннаго отреченія человѣческой личности. „Помни и ни къ чему такъ не прилежи, говорится въ одномъ сборникѣ, какъ къ тому, *чтобы быть совершенно безъ я* въ твоемъ духѣ, душѣ и тѣлѣ“.

Въ этомъ самоотреченіи сказывается вліяніе на нашихъ масоновъ средневѣковыхъ мистиковъ, пользовавшихся среди нихъ любовью и распространеніемъ. Изъ мистиковъ въ Россіи наиболѣе были распро-

---

[1]) „Теоретическій градусъ Соломонскихъ наукъ“, 4-я степень розенкрейцерства.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ., О. № 32.

[3]) Масонскій сборникъ XVIII в. Рук. Имп. Публ. Библ. Q. III, № 153 и другія. Перечисленіе этихъ семи смертныхъ грѣховъ постоянно встрѣчается въ масонскихъ рукописяхъ.

странены въ то время сочиненія Якова Бёме (Böhme), его комментатора Іоанна Порледжа (Pordage) или Пордеча, какъ его называли наши масоны („Божественная метафизика"), Таулера („Ежедневныя правила жизни" и др.), Іоанна Масона и пр. Въ числѣ масонскихъ рукописей нерѣдко встрѣчается сборникъ, составленный исключительно изъ сочиненій извѣстнаго Бёме. Этотъ сборникъ носитъ общее заглавіе „Путь ко Христу" [1]) и состоитъ изъ нѣсколькихъ трактатовъ. Первый изъ нихъ—„О истинномъ покаяніи"—содержитъ, между прочимъ, краткій образецъ исповѣди.

„Аще и недостоинъ есмь, говорится здѣсь, но воспріими мя въ смерть Твою и дай мнѣ въ смерти моей умереть смертію Твоею! *Низложи самость мою, умертви ее въ смерти Твоей, да не живу болѣе собою,* ибо самъ по себѣ я только грѣхъ творю".

Ученіе объ „убѣганіи зла" и „суетъ міра" повлекло за собою обвиненіе масоновъ въ аскетизмѣ и въ полнѣйшемъ отрицаніи земной жизни. „Все, относящееся къ земной жизни, пишетъ проф. Незеленовъ [2]), не только предметы матеріальнаго міра, но и то, чѣмъ живетъ человѣческій духъ, искусство, науку, все это масонство готово отрицать, никакихъ радостей и привязанностей оно не допускаетъ; все земное должно служить человѣку лишь средствомъ для извлеченія изъ него нравоученій и назиданій".

Въ печатной литературѣ масоновъ (переводы западно-европейскихъ мистиковъ) мы, дѣйствительно, находимъ много такого, что можетъ насъ заставить обвинить масоновъ въ аскетизмѣ, если мы не примемъ во вниманіе болѣе важной для оцѣнки русскаго масонства литературы рукописной. „Убѣгать зла"—одно изъ главныхъ масонскихъ правилъ. Но средневѣковые мистики и наши масоны смотрѣли на выполненіе этого правила съ различныхъ точекъ зрѣнія. По ученію мистиковъ единственнымъ средствомъ къ соединенію съ Божествомъ можетъ служить „отвращеніе сердца, т.-е. воли нашей и силы чувствованія, отъ всѣхъ особливыхъ вещей"; такое упражненіе приводитъ къ ощущенію покоя, тишины, мира и „цѣлостнаго всеобщаго удовольствія" [3]). Такъ высказывается по этому предмету Порледжъ въ своей „Божественной

---

[1]) Изданъ въ Россіи въ 1815 г.; рукописные переводы встрѣчаются часто и среди рукописей XVIII вѣка.

[2]) „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.", стр. 81.

[3]) Часть I, гл. 3, § 14—15. Рук. Имп. Публ. Библ. Q. III, № 130, Т. III, № 51 и др.

метафизикѣ"; еще яснѣе говоритъ объ этомъ Іоаннъ Арндтъ въ своемъ сочиненіи „Объ истинномъ христіанствѣ" [1]. „Истинный христіанинъ долженъ ненавидѣть жизнь свою въ семъ мірѣ и научаться презирать міръ по примѣру Христа (?!)", пишетъ онъ въ 14 главѣ.

Въ главѣ 23 онъ доказываетъ, что человѣкъ, желающій „рости и возрастать во Христѣ", не долженъ быть часто въ мірскомъ обществѣ. Точно такъ же относится къ мірской жизни извѣстный мистикъ Іоаннъ Таулеръ. Въ своемъ сочиненіи „Ежедневное испытаніе совѣсти" [2] онъ спрашиваетъ себя въ исповѣди: „Убѣгаю ли я танцевъ, также игръ и музыкальныхъ забавъ, *яко прелестей и привадъ къ заповѣданной мірской и грѣховной похоти?*"

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ слѣдуетъ, что въ средневѣковомъ мистицизмѣ мы дѣйствительно найдемъ и отрицаніе искусствъ, и отрицаніе „всѣхъ особливыхъ вещей", презрѣніе къ міру и ненависть къ жизни. Однако, въ этомъ пунктѣ, какъ мы увидимъ ниже, ученіе русскихъ масоновъ и средневѣковыхъ мистиковъ расходятся; отожествлять первое со вторымъ, слѣдовательно, никакимъ образомъ нельзя.

Третьимъ пунктомъ присяги, которую брали со вступившихъ въ „Теоретическій градусъ Соломоновскихъ наукъ", четвертую степень розенкрейцерскаго ордена, предписывается „отрещись суетъ міра". Однако, между ненавистью къ міру и отреченіемъ отъ суетъ его—безконечная разница. Прежде всего къ послѣднимъ, вопреки мнѣнію проф. Незеленова, масоны не относили ни наукъ, ни искусствъ, не только спеціально масонскаго оттѣнка, но и свѣтскихъ. Посмотримъ, какъ относился къ искусству и наукѣ Шварцъ; его какъ разъ обвинилъ проф. Незеленовъ въ равнодушіи къ искусствамъ [3]. „Какъ сожалѣю я, говорилъ Шварцъ въ одной изъ своихъ лекцій, о холодномъ судьѣ искусства, который, тогда какъ другіе ощущаютъ, находитъ еще время изъяснять своему сосѣду правила". Въ словахъ этихъ слышится не равнодушіе, а наоборотъ — восторженное поклоненіе искусству. Далѣе, въ 14-ой лекціи „о трехъ познаніяхъ" Шварцъ, говоря о воспитаніи юношества, даетъ воспитателямъ слѣдующій совѣтъ: „Для приведенія ихъ (юношей) мыслей въ порядокъ или гармонію нужно, кажется, молодыхъ людей упражнять въ словесныхъ

---

[1] Сочиненіе это, впервые переведенное очень давно (въ началѣ XVIII столѣтія), и теперь еще не утратило популярности. См. Рук. Имп. Публ. Библ. Q. III, № 171 и др.

[2] См. Рук. Имп. Публ. Библ. О. III, № 175, Q. III, № 67 и др.

[3] Въ своемъ сочиненіи: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху".

наукахъ, въ музыкѣ, въ живописи и занимать ихъ гармоніей природы". Наконецъ, курсъ эстетической критики, читанный Шварцемъ, курсъ, въ которомъ онъ занимался, главнымъ образомъ, произведеніями ума, живописи, ваянія и архитектуры, даетъ вполнѣ достаточное доказательство отсутствія въ немъ равнодушія къ искусствамъ.

То, что можно сказать о Шварцѣ, слѣдуетъ сказать и о русскомъ розенкрейцерствѣ вообще: отдѣльныя отступленія—не что иное, какъ исключенія, вызванныя личными особенностями характера.

Въ ритуалахъ масонскихъ, находящихся въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка [1]), поставленъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: „Какія науки долженъ знать свободный каменщикъ?" Въ отвѣтѣ поименованы: стихотворство, музыка, рисованіе, ариѳметика, геометрія, астрономія и архитектура. Изъ тѣхъ же ритуаловъ мы видимъ, что музыка имѣла мѣсто и въ самыхъ масонскихъ собраніяхъ. Впрочемъ, существованіе большого количества масонскихъ гимновъ само по себѣ противорѣчитъ обвиненію масонства во враждебности къ музыкѣ, одному изъ искусствъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ искусствахъ: архитектура составляетъ основу всѣхъ символическихъ масонскихъ знаковъ (молотокъ, лопатка, отвѣсъ, циркуль и пр.), которые, конечно, теряютъ свой смыслъ при отрицаніи самой архитектуры; преданіе о построеніи храма Соломонова, такъ называемая легенда объ Адонирамѣ, также имѣетъ прямое отношеніе къ архитектурѣ; послѣдняя тѣсно связана съ скульптурой, живописью и пр.

Искусства и науки, слѣдовательно, не причислялись нашими масонами къ „суетамъ міра". Подъ послѣдними они разумѣли разсѣянное въ мірѣ зло, пороки. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ [2]) находится рѣчь на тему: „Чесо изыдосте въ пустыню видѣти?" (Матѳ., XI, 7). Здѣсь объясняется, какъ эти слова могутъ быть примѣнены къ современному человѣчеству и въ частности къ масонству. У насъ есть свой фараонъ, котораго надо покинуть: „гордость и высокоуміе, суетную честь и прочіе множайшіе грѣхи, находящіеся въ чадахъ міра". Слѣдовательно, зломъ считается не самый міръ, а только пороки, которыми одержимы его чада. Въ самомъ дѣлѣ, трудно согласить ненависть къ міру и отрицаніе его съ тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе масоны желали производить работу надъ усовершенствованіемъ человѣка посреди міра, „не прилѣпляясь къ суетамъ онаго и

---

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ. О. III, № 163.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. Отд. III, № 175.

исправляя то служеніе, къ которому призванъ“ [1]). Еще подробнѣе и яснѣе говорится объ отсутствіи въ нашихъ масонахъ ненависти къ міру и профанамъ въ другомъ сборникѣ [2]): „Свободный каменщикъ, читаемъ мы здѣсь, никогда не перестаетъ быть человѣкомъ и *свободное каменщичество тѣмъ больше приближаетъ еще каждаго къ человѣчеству“;* розенкрейцерамъ было вмѣнено въ обязанности исполненіе „семи дѣлъ милосердія“. Филантропическая дѣятельность нашихъ масоновъ—лучшее возраженіе противъ обвиненія ихъ въ аскетизмѣ, въ ненависти къ міру и презрѣніи къ профанамъ.

„Человѣкъ, скитающійся по полямъ безъ просвѣщенія и убѣгающій общества, говорятъ масоны, былъ бы менѣе способенъ къ исполненію намѣреній Провидѣнія и къ достиженію всего блага, ему представленнаго; существо его расширяется посреди ему подобныхъ, разумъ его укрѣпляется стеченіемъ различныхъ мнѣній“ [3]). Въ ученіи масоновъ нѣтъ ненависти къ міру,—наоборотъ, вездѣ преобладаетъ любовь къ человѣчеству; они торжественно признавали свое ученіе ученіемъ любви. „Ежели нѣжное сердце твое, читаемъ мы въ „Уставѣ свободныхъ каменщиковъ“, пожелаетъ... обнять съ онымъ электрическимъ человѣколюбія огнемъ всѣхъ людей и всѣ народы, ежели, восходя къ общему началу, возревнуешь лобызать нѣжно всѣхъ, имѣющихъ такіе же составы, такую же въ любви нужду, такое же желаніе быть полезнымъ и одну безсмертную душу, какъ и ты, то иди въ храмы наши воскурить на жертвенникѣ святого человѣчества! *Вселенная есть отечество каменщика, и изъ принадлежащаго человѣку для него нѣтъ ничего чуждаго*“ [4]).

Вотъ въ чемъ состоялъ въ главныхъ чертахъ нравоучительный отдѣлъ розенкрейцерства. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ дѣйствовалъ благотворно на русское общество XVIII вѣка. Нрав-

---

[1]) „Новый катехизисъ в... к...“ (вольныхъ каменщиковъ) Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 50, статья 3.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. О. III, № 167.

[3]) „Уставъ св... к...“ Рук. Имп. Публ. Библ. Q. III, № 153.

[4]) И это не были пустыя назиданія. Масоны сами и проводили свои идеи въ жизнь. Даже враги масонства признавали широкую ихъ благотворительность. „Московскіе иллюминаты“,—такъ называетъ московскихъ розенкрейцеровъ Магницкій въ своихъ письмахъ Императору Николаю I объ иллюминатахъ—„учили на свой счетъ многихъ бѣдныхъ студентовъ Московскаго университета, посылали ихъ на своемъ иждивеніи въ чужіе края, выставляли большую благотворительность, раздавая тулупы отправляемымъ партіямъ рекрутъ и пр., и такимъ образомъ старались пріобрѣсть любовь народную“ (*Русск. Старина*, 1899, февр., стр. 290).

ственная философія масоновъ вносила въ него высокія идеи любви къ человѣчеству, и въ этомъ главное значеніе русскаго масонства. Составивъ тѣсные кружки, масоны дѣятельно пропагандировали свою этику. Пропаганда эта велась въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ [1]. Средствомъ къ этой пропагандѣ служили также изданія Типографической компаніи и публичныя лекціи. Лекціи Шварца, напримѣръ, привлекавшія множество народа, служили превосходной подготовкой къ принятію въ орденъ и были, собственно говоря, не чѣмъ инымъ, какъ популяризаціей орденскаго ученія. Въ одной изъ своихъ лекцій Шварцъ прямо даже посылаетъ своихъ слушателей къ розенкрейцерамъ, отъ которыхъ они могутъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія о „живыхъ познаніяхъ“, состоящихъ въ познаніи Бога, „натуры“ и человѣка [2]. Если мы сравнимъ программы его лекцій съ масонскими рукописями, то не только замѣтимъ связь первыхъ съ послѣдними, но и найдемъ, что его лекціи представляютъ собою приведенное въ систему ученіе розенкрейцеровъ. Лекціи эти Шварцъ читалъ въ стѣнахъ Московскаго университета и у себя на дому для лицъ, неприкосновенныхъ къ масонству; съ другой стороны, Новиковъ издавалъ множество книгъ мистическаго содержанія. Слѣдовательно, изъ своего ученія розенкрейцеры не дѣлали тайны: наоборотъ, они старались о распространеніи его въ обществѣ. Тайну составляла только обрядность, разъясненіе іероглифовъ и басня о происхожденіи ордена. Розенкрейцеры говорили о тайнѣ съ одной стороны вслѣдствіе приверженности къ буквѣ устава, который считался непогрѣшимымъ, и изъ котораго нельзя было ничего выпускать; съ другой стороны, эта масонская тайна была безсознательной уступкой обществу, нуждавшемуся въ чемъ-нибудь чрезвычайномъ, что бы могло возбудить чисто внѣшній интересъ. Эта уступка послужила въ пользу

---

[1]) Весь Московскій университетъ во времена Хераскова былъ въ рукахъ масоновъ; двое лучшихъ профессоровъ, Страховъ и Чеботаревъ, по свидѣтельству Магницкаго, были масонами; а между тѣмъ первый видѣлъ всю Москву на своихъ лекціяхъ физики, а послѣдній воспитывалъ на дому тѣхъ студентовъ, коихъ „общество особо ему поручало“; изъ послѣднихъ извѣстны Магницкому Лубяновскій и Карнѣевъ.

[2]) „Увѣряютъ, что оно (преданіе, данное первому человѣку и Моисею) не у раввиновъ, но что нѣкоторая секта іудейская, извѣстная подъ именемъ Э... и Т... [ессеевъ и терапевтовъ], сохранила это преданіе, и что оно перешло къ такъ называемымъ Р... К...“ [розен-крейцерамъ]. Все это Шварцъ „оставляетъ на размышленіе и розысканіе каждаго“. Тѣмъ не менѣе онъ далѣе обѣщаетъ „дать нѣкоторое познаніе о такъ называемой Р... К... каббалѣ“. Лекція 8, листъ 52 об. Рук. Имп. Публ. Библ. Q. III, № 40.

ордена: она сдѣлала вступленіе въ него особенно заманчивымъ. Многіе вступали изъ любопытства, но впослѣдствіи, сознавъ важность масонства для современнаго общества, дѣлались ревностными его послѣдователями. Разумѣется, здѣсь таилось безсознательное противорѣчіе съ общимъ духомъ масонскаго ученія; эта тайна—одна изъ слабыхъ сторонъ его, сознанная прежде всего современниками; она служила предметомъ нападокъ и для Императрицы Екатерины II.

Научная часть масонскаго ученія, особенно розенкрейцерства, также вызвала много обвиненій, по большей части вполнѣ справедливыхъ. Дѣйствительно, вся розенкрейцерская наука—анахронизмъ. То, что было возможно и что даже являлось прогрессомъ въ умственной жизни среднихъ вѣковъ, представляется часто нелѣпымъ и смѣшнымъ въ литературѣ конца XVIII столѣтія.

Исходнымъ пунктомъ научнаго отдѣла розенкрейцерства, имѣвшаго цѣлью „познаніе Бога въ природѣ и природы въ человѣкѣ", былъ вопросъ о сотвореніи міра; этотъ вопросъ давалъ розенкрейцерамъ поводъ толковать и о строеніи земли, и объ организмѣ человѣка, и о драгоцѣнныхъ камняхъ, и о солнцахъ,—словомъ, обо всей природѣ. Источниками для этихъ изслѣдованій о Богѣ, природѣ и человѣкѣ служили для масоновъ сочиненія средневѣковыхъ мистиковъ; для послѣднихъ же—сочиненія древне-еврейскихъ теологовъ.

Разсмотрѣнію вопроса о „шестидневныхъ дѣлахъ сего міра" розенкрейцерскія рукописи отводятъ главное мѣсто. Среди печатной литературы масоновъ находится нѣсколько сочиненій, посвященныхъ толкованію первой главы книги Бытія, въ которой разсказывается о сотвореніи міра. Причина, по которой розенкрейцеры интересовались такъ первой главой книги Бытія, безъ труда можетъ быть выяснена.

Въ самомъ дѣлѣ, они стремились возвратить себѣ знанія, утраченныя Адамомъ послѣ грѣхопаденія. Какого же рода знанія онъ долженъ былъ имѣть и потерять? Конечно, они касались существа Божія и природы, т.-е. ея состава и образованія [1]).

---

[1]) Вотъ какъ, напримѣръ, говоритъ объ этомъ одно масонское стихотвореніе:

„О ты, кого душа хоть любитъ, но не знаетъ,
Ты далъ ей бытіе, понеже разсуждаетъ;
Внемли стенаніямъ, внемли ея мольбѣ,
Открой ей знанія о будущей судьбѣ. [Въ другомъ переводѣ: „чтобъ знать, чѣмъ *должно быть* ему (человѣку)].

***

Въ книгѣ Бытія, написанной Моисеемъ, который былъ однимъ изъ сохранившихъ „искру свѣта“, остались слѣды этой искры. Вотъ почему розенкрейцеры занимались такъ старательно разборомъ и толкованіемъ первой главы книги Бытія [1]): они искали въ ней слѣдовъ „искры свѣта“, т.-е. слѣдовъ знаній, утраченныхъ Адамомъ; „Слово Божіе, говоритъ Шварцъ, не исчезло на земли; ибо что единожды дано Богомъ, то пропасть или истребиться никогда не можетъ“ [2]).

Отсюда проистекаютъ и произвольныя толкованія этой главы въ мистическомъ духѣ. Разъ розенкрейцеры предполагали скрытыми въ книгѣ Бытія глубочайшія познанія, они не могли удовлетвориться простымъ ея чтеніемъ и искали между строками затаеннаго смысла.

Хотя она во мракъ, въ темницу заключенна
И отъ свѣтильника чистѣйша удаленна,
Но ты ее наставь себѣ полезной быть!
О, Боже! Поспѣши глаза ея открыть!

* * *

Къ началу своему да будетъ устремленна,
Дай знать, что есть она, къ чему опредѣленна
Открой рожденіе, начало бытія,
Открой ей дивныя могущества ея.

* * *

Да знаетъ, что она всѣмъ міромъ обладала.
Что волею своей стихіи покоряла,
Что, въ свѣтѣ живучи, по чистотѣ своей
Питалась полнотой Божественныхъ лучей.

* * *

Что было, будетъ, есть—все было ей извѣстно,
Желать и получить,—все было то-жъ для ней,
Всю силу мѣрила лишь волею своей
И все могла одна, владѣя повсемѣстно.

* * *

Но, позабывъ себя (варіантъ: позабывъ, что онъ дотолѣ былъ), единый сдѣлавъ шагъ,
Чрезъ самоволіе лишилася всѣхъ благъ,
И свѣтъ, и чистота лучи отъ ней сокрыла,
И душу бѣдную во мрачность заключила“.

[1]) Шварцъ, напримѣръ, въ своихъ лекціяхъ подробно, по предложеніямъ разбиаетъ начало этой главы.

[2]) Лекціи о трехъ познаніяхъ, лекц. 8. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III. № 40, листъ 52 об.

Поэтому-то Шварцъ и говорилъ, что первыя три главы книги Бытія написаны „каббалистическимъ образомъ“, и что „для пониманія ихъ нужно неусыпно трудиться и стараться давать имъ толкованія при помощи Бога“. Конечно, толкованія эти были произвольны и были проникнуты мистицизмомъ. Вопросъ о твореніи всего болѣе интересовалъ русскихъ розенкрейцеровъ; для того, чтобы ознакомиться съ тѣми результатами, къ которымъ привело ихъ стремленіе искать скрытыхъ тайнъ въ началѣ книги Бытія, я позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ одной рукописи, чрезвычайно распространенной среди розенкрейцеровъ прошлаго вѣка. Сочиненіе это носитъ заглавіе: „Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ св. к. . . .мъ древнія системы“ и представляетъ собою переводъ съ нѣмецкаго языка [1]).

„На нѣсколько мгновеній, читаемъ мы здѣсь [2]), уничтожимъ въ мысляхъ нашихъ все сотворенное, и тогда, исключая безконечнаго, вездѣсущаго Бога, ничего болѣе намъ не останется. Пойдемъ ли еще далѣе вспять путемъ симъ, будемъ ли мы разсматривать вѣчное порожданіе Тріединаго,.... то наконецъ остановимся и въ самомъ Богѣ на нѣчто неудобоименуемомъ (unnenbares), за которое идти далѣе, не потеряяся въ безпредѣльной безднѣ, есть невозможно. Сіе неизглаголанное нѣчто назовемъ мы *бездонностью, вѣчно — самостоящею единицею, неисповѣдимою глубиною*“ [3])... „Сія таинства исполненная бездонность есть существо, само изъ себя рождающее; но все рождаемое имъ есть Богъ. Коренная воля бездонности (der Unvillen) къ произведенію и восчувствованію себя самой есть то, что Священное Писаніе именуетъ въ Божествѣ Отцемъ“.

......„Чистое, рожденное сею волею, именуется *Сыномъ,* совершенный образъ Отчій.... Связь между Отцемъ и Сыномъ есть Святый Духъ, который безпрестанно отъ обоихъ (?) исходитъ, обоимъ равносущественъ“...

„*Любовь или желаніе сообщать себя было основательною причиною,* побудившею Вседостаточнаго содѣлаться Творцомъ. На сіе нужно было страдательное вещество, нужна была страдательная подкладка

---

[1]) Рукописные переводы „Пастырскаго посланія“ появились, кажется, въ 1785—1786 гг. См. Рук. Имп. Публ. Библ., F. III, № 27, F. III, № 92, F. III, № 63, Q. III, № 27, Q. III, № 184 (съ замѣтками Болотова), O. III, № 101 (выписки изъ „Посланія“).

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ., F. III, № 92, стр. 26—27.

[3]) Вездѣ курсивъ подлинника.

(Unterlage), дабы на оной утвердить царство будущаго духовнаго міра. Но, какъ уже указано, исключая Тріединаго, во всей Его неизмѣримости ничего не было. И сего ради выступилъ Онъ, такъ сказать, изъ самого себя и изъ внутренности Существа своего родилъ первое *заложеніе* (Anlage) къ *творенію. Божественное изрожденіе называется глаголать,* ибо глаголетъ ли, повелѣваетъ ли, и творится".

Итакъ, по ученію розенкрейцеровъ, Богъ создалъ міръ не изъ ничего, а изъ „внутренности Существа своего". Тѣ же толкованія, чрезвычайно натянутыя и отдающія пантеизмомъ, мы находимъ вездѣ, гдѣ только заходитъ рѣчь о сотвореніи міра. „*Прежде,* говоритъ Шварцъ [1]), *все было въ Богѣ невидимо. Въ твореніи сіе невидимое содѣлалось видимымъ. Оно какъ бы извергнуто, отдѣлено отъ Божественной натуры*"... и далѣе: „Все сіе согласуется въ системѣ истеченія (Emanation). Всѣ изъ Бога". То же говорится и въ „Теоретическомъ градусѣ". „Система истеченій", которою пользовались розенкрейцеры для толкованія библейскаго разсказа о сотвореніи міра, заимствована ими изъ сочиненій западныхъ мистиковъ—Бёме и др.; послѣдніе въ свою очередь заимствовали ее отъ „эманаціонистовъ", еврейскихъ теологовъ. Раскроемъ для примѣра „Теософскіе вопросы" Якова Бёме [2]). Пунктъ 13 отвѣта на шестой вопросъ: „Все твореніе есть одно образованіе и формированіе Божественныхъ силъ. *Истеченіе только одно изъ другого произошло даже до грубѣйшей матеріи или истеченіе земли и каменьевъ*". Пунктъ 14-й: „Понеже видимый міръ есть только истекшее слово". Нѣсколько яснѣе Бёме выражается въ 4-мъ вопросѣ, гдѣ онъ говоритъ о сотвореніи ангеловъ: „Ангелы и душа человѣческая со всѣми тварями сего и внутренняго ангельскаго духовнаго міра въ идеѣ, idea, или духовномъ воображеніи внутрь (Бога) лежали. Твореніе идеаобразное учинилось въ храмъ чудесъ Божіихъ".

Идеи Бёме еще яснѣе изложены въ „Божественной метафизикѣ" Порделжа. Въ Богѣ всѣ вещи были въ болѣе легкомъ, тонкомъ состояніи. Во всякомъ, одаренномъ духомъ, существѣ, какимъ является и Богъ, есть „стремленіе къ выгодному предмету, дабы съ нимъ соединиться". Но Богъ могъ желать тогда соединенія только съ самимъ

---

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ. O. III, № 112. Рукопись заключаетъ въ себѣ конспектъ лекцій Шварца, составленный, вѣроятно, однимъ изъ учениковъ его и отчасти разобранный проф. Незеленовымъ въ его книгѣ: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху".

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. O. III, № 147 и др.

собою, потому что 1) ничего другого и не было, кромѣ Бога, и 2) Онъ могъ желать соединенія только съ себѣ равнымъ, каковымъ можетъ быть только Онъ самъ; слѣдовательно, для сотворенія міра Ему надо было соединиться съ самимъ собою и изъ себя произвести міръ. Результатомъ этого „соединенія Бога съ самимъ собою" явились Божественныя истеченія. „Истеченія свои или изсіянія Богъ вмѣстѣ согналъ со всѣхъ сторонъ, сгустилъ и ствердилъ и такимъ образомъ образовалъ фигурное явленіе". Вотъ какъ слѣдуетъ понимать слова Шварца: „Все сіе согласуется въ системѣ истеченій. Всѣ изъ Бога".

Полученное „фигурное явленіе",—шаровидной формы, какъ наиболѣе совершенной,—есть какой-то „шаръ вѣчности", какое-то „Существо, болѣе грубое, нежели Богъ". „Такъ какъ оно есть только коагулированное или какъ бы ссѣдшееся, то и можетъ опять метать отъ себя свои сжатые лучи, сколь далеко ему угодно" и опять сгущать ихъ въ существо, еще низшее и грубѣйшее, и такъ далѣе, пока не произойдетъ грубое, твердое вещество—матерія; слѣдовательно, „матерія не что иное есть, какъ духовное, *истекшее*, вмѣстѣ ссѣдшееся" Божество. Такимъ-то образомъ Богъ „съ безконечнымъ различіемъ пропорціи, мѣры, числа, крѣпости, порядка и проч. образуетъ особые роды вещей".

Таково ученіе мистиковъ о твореніи. Розенкрейцеры цѣликомъ заимствовали отъ нихъ свою натурфилософію и вслѣдствіе этого безсознательно впали въ тотъ матеріализмъ, въ которомъ обвинялъ ихъ впервые проф. Незеленовъ [1]). Обвиненіе это было вполнѣ справедливо: разница между духомъ и матеріей въ натурфилософіи розенкрейцеровъ сглаживается, все въ природѣ, даже земля и камни, — то же Божество, только въ гораздо болѣе грубомъ состояніи. Впрочемъ, матеріализмъ этотъ былъ безсознательнымъ: его не замѣчали ни сами масоны, ни ихъ современники. Ученіе эманаціонистовъ, странное въ устахъ людей конца XVIII столѣтія, розенкрейцеры вытащили изъ-подъ спуда съ цѣлью вырвать изъ рукъ читающей публики „безбожныя" сочиненія энциклопедистовъ и вложить взамѣнъ ихъ Библію; они хотѣли подкрѣпить данныя вѣры доказательствами логики и пытались дать серіозную пищу любознательному уму, замѣнивъ философію „безбожниковъ" мистической натурфилософіей.

Для того, чтобы дать болѣе ясное понятіе о розенкрейцерской

---

[1]) „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.", стр. 113 и сл.

натурфилософіи, проведемъ здѣсь ученіе о твореніи нѣсколько далѣе. Какъ мы видѣли, твореніе было въ началѣ духовнымъ, истеченія Бога были „субтильны". Поэтому прежде всего Богъ создаетъ духовъ небесныхъ, ангеловъ, которые раздѣляются на верхнихъ и нижнихъ, небесныхъ и звѣздныхъ [1]). „Первый ангелъ Люциферъ, говоритъ Шварцъ [2]), желая насладиться самъ собою, не допускалъ раздѣляться въ кругѣ своемъ [3]) входящій свѣтъ, напрягая всѣ свои силы къ сопротивленію сему раздѣленію и къ привлеченію въ себя единаго сего втекающаго свѣта, дабы довольствоваться онымъ одному и послѣ разливать свѣтъ самому на всѣ творенія и содѣлаться Богомъ". То же самое разсказывается и въ другихъ розенкрейцерскихъ рукописяхъ. Тогда Богъ предалъ „сію неблагодарную бунтующую тварь собственному ея огненному основанію", которое мгновенно поглотило воды свѣта, заключило ихъ въ узы мрачности и перемѣстило Люцифера въ адъ, который „передъ симъ былъ поглощенъ небомъ держался". Тогда все пространство, обитаемое легіонами Люцифера, обнялось пламенемъ и „представилось чрезвычайной величины горящей сферой". Изъ этого огненнаго шара получился „хаотическій дымъ", который въ свою очередь превратился въ густую мглу и наконецъ сдѣлался густою иловатою водою. Такъ получился Моисеевъ Хаосъ — „Эшъмаимъ, т.-е. огневода". Огонь, имѣющій очистительную силу, превратилъ хаосъ въ видимый міръ. Такъ образовалась земля.

Вотъ розенкрейцерское ученіе о твореніи, заимствованное отъ средневѣковыхъ мистиковъ. Масоны стремились возстановить поколебленную вѣру и нравственность; не находя въ современной жизни удовлетворенія своихъ стремленій, они стали искать его въ прошломъ; розенкрейцерство помогло имъ обратиться къ средневѣковому мистицизму, который какъ нельзя болѣе подходилъ къ ихъ настроенію. Глубокая вѣра въ соединеніи съ стремленіемъ къ внимательному изученію тайнъ природы — основные элементы мистицизма — какъ разъ выражали собой это настроеніе. Несмотря однако на преклоненіе передъ мистиками, наши розенкрейцеры не приняли ихъ ученія цѣликомъ на вѣру, а заимствовали изъ него только то, что было имъ нужно, что отвѣчало ихъ преобразовательнымъ цѣлямъ. Конечно,

---

[1]) Теоретическій градусъ Соломонскихъ наукъ. Рук. Имп. Публ. Библ., F. III, № 47 и др.

[2]) „О трехъ познаніяхъ", лекція 5. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 40.

[3]) Люциферъ былъ правителемъ „мрачнаго круга", получавшаго свѣтъ отъ другого круга,—„свѣтлаго".

были и слѣпые поклонники мистицизма, восклицавшіе: „Кто не будетъ Бёмомъ, тотъ пусть всѣ свои сочиненія броситъ въ огонь“, однако лучшіе наши масоны, имѣвшіе большое вліяніе на общество, какъ Шварцъ, Лопухинъ, Новиковъ и др., вовсе не были такими слѣпыми послѣдователями Бёма, а особенно тѣхъ мистиковъ, въ сочиненіяхъ которыхъ говорится объ исканіи философскаго камня. Отношенія нашихъ масоновъ къ алхимическимъ работамъ настолько часто вызывали нареканія, что я считаю долгомъ постараться выяснить эти отношенія.

По ученію алхимиковъ каждое тѣло состоитъ изъ трехъ началъ: соли, сѣры и меркурія. Поэтому каждый металлъ имѣетъ въ себѣ скрытыми другіе металлы. Золото—самый совершенный металлъ, такъ какъ въ немъ находятся въ одинаковой пропорціи всѣ три начала. Всѣ металлы живутъ тою же жизнью, что и растенія, и стремятся сдѣлаться золотомъ; разница между ними и золотомъ только въ пропорціи. Алхимики искали „сѣмя металловъ“; его слѣдовало извлечь, высушить и растереть въ порошокъ; такъ получается философскій камень. Если примѣшивать къ разнымъ металламъ полученный порошокъ въ различной пропорціи, то всѣ металлы превращаются въ золото. Тотъ же философскій камень обладаетъ способностью излечивать всѣ болѣзни; поэтому онъ называется еще „панацеею“ или „всеобщимъ, универсальнымъ лекарствомъ“.

Таково въ краткихъ чертахъ ученіе алхимиковъ. Розенкрейцеры западной Европы, натолкнувшись на это ученіе при чтеніи мистическихъ сочиненій, подумали, что наконецъ нашли ту тайну, о которой говорится въ масонскихъ ритуалахъ. Они стали дѣятельно производить алхимическія работы по указаннымъ средневѣковой алхиміей рецептамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поставили себѣ цѣлью снисканіе именно тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя сами же считали „суетами міра сего“. Лучшіе наши масоны, искавшіе въ ученіи ордена указаній на способы нравственнаго обновленія общества, не могли не сознать этого противорѣчія и примириться съ нимъ. Конечно, были и среди русскихъ розенкрейцеровъ такіе, которые страстно стремились обладать философскимъ камнемъ, и въ этомъ обстоятельствѣ виновны были масонскія типографіи, выпускавшія въ свѣтъ сочиненія алхимическаго содержанія. Нѣсколько такихъ книжекъ („Новое химическое свѣтило“, „Колыбель камня мудрыхъ“, „Хризомандеръ“ и др.) издано типографіями Лопухина и Новикова. Достовѣрно извѣстно, что русскіе розенкрейцеры не производили алхимическихъ работъ, такъ какъ не пошли

дальше „*Теоретическаго* градуса Соломонскихъ наукъ“; есть также указаніе на то, что они холодно относились къ такого рода занятіямъ: объ этомъ говоритъ намъ дневникъ нѣмца-розенкрейцера, напечатанный Пекарскимъ въ его „Дополненіяхъ къ исторіи масонства въ Россіи“. Этотъ розенкрейцеръ жалуется главѣ ордена въ Германіи, Вёльнеру, на то, что русскіе братья не интересуются алхимическими работами. Далѣе, на общее количество масонскихъ рукописей, принадлежащихъ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, приходится очень немного, сравнительно, рукописей алхимическаго содержанія, да и тѣ за очень немногими исключеніями представляютъ собою списки съ тѣхъ же, изданныхъ типографіями Лопухина и Новикова, книжекъ. Что касается рукописныхъ масонскихъ сборниковъ, — матеріала наиболѣе важнаго для насъ, такъ какъ сюда русскіе масоны заносили все то, что ихъ интересовало на собраніяхъ или при чтеніи, — и въ нихъ алхиміи отведено очень мало мѣста; изрѣдка мы встрѣчаемъ здѣсь какую-нибудь выписку изъ Луллія, Сендивогія и т. п., все же остальное сплошь занято масонскими ритуалами и выписками мистическаго характера. Большинство рукописей совершенно свободно отъ алхимическаго элемента. Одинъ розенкрейцеръ оставилъ намъ свою записную книжку [1]), въ которую заносилъ то, что слышалъ и видѣлъ на розенкрейцерскихъ собраніяхъ: замѣчательно, что здѣсь ни однимъ словомъ не упомянуто объ алхиміи. Наконецъ, самъ Лопухинъ, изъ типографіи котораго вышли почти всѣ алхимическія сочиненія, напечатанныя на русскомъ языкѣ въ XVIII столѣтіи, называетъ служителями „церкви Антихристовой“ всѣхъ тѣхъ, кто занимается алхиміей. По его словамъ, къ антихристовой церкви принадлежатъ люди, „прилѣпленные къ златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продлить грѣховную жизнь, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, каббаллы, алхиміи, тайной медицины и въ магнетизмѣ ономъ, который можетъ учиниться наилучшимъ разсадникомъ и пріуготовленіемъ для дѣйствій темныхъ силъ“ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, однако, въ томъ, что среди русскихъ братьевъ были и такіе, которые интересовались алхиміей и мечтали о философскомъ камнѣ. На это указываетъ то обстоятельство, что русскимъ розенкрейцерамъ приходилось не только оправдываться передъ читающей публикой,

---

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 32.

[2]) „Нѣкоторыя черты о внутренней Церкви“. Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 99; глава 4, § 2.

какъ то сдѣлалъ Лопухинъ, но и убѣждать своихъ же собратьевъ въ нелѣпости ихъ стремленій. Такъ, среди рукописей, принадлежащихъ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, есть одна, спеціально посвященная вопросу о томъ, стоитъ ли искать философскій камень, даже если есть возможность его найти [1]). Это маленькая статейка, написанная въ формѣ діалога между старцемъ и юношей. Вотъ какимъ образомъ здѣсь разрѣшается вопросъ объ исканіи философскаго камня. Старецъ спрашиваетъ юношу: „Что за причина тому, что такъ тебѣ хочется обладать *всецѣлымъ*"? [2]).

Юноша отвѣчаетъ: „Я имѣю на то важныя причины. Если бы у меня былъ камень мудрыхъ, то помощью своего богатства я бы, вопервыхъ, сдѣлалъ много добра бѣднымъ и исцѣлилъ бы больныхъ, а во-вторыхъ, пріобрѣлъ бы много свѣдѣній въ высокихъ и таинственныхъ наукахъ, узналъ бы совершеннѣе Бога, узналъ бы, какъ природа все производитъ".

Старецъ опровергаетъ доводы юноши. Его возраженія сводятся къ тому, что „немного потребно богатствъ для подаянія милостыни бѣднымъ, немного свѣдѣній для лучшаго познанія Бога". Далѣе онъ совершенно справедливо указываетъ на то, что въ сущности, несмотря на всѣ оправданія, въ исканіи камня все же лежитъ не что иное, какъ стремленіе къ обогащенію. На дѣлѣ непремѣнно выходитъ, что кто этимъ увлекается, „токмо и занимается имъ и оставляетъ то главное дѣло, собственную должность, къ которой Богъ сотворилъ его". Такимъ образомъ, старецъ указываетъ на противорѣчіе между идеями масонской этики и занятіями алхиміей, т.-е., именно на то противорѣчіе, на которое указано выше. Юноша находитъ однако возраженіе, съ которымъ надо было считаться: именно, онъ спрашиваетъ, можно ли безъ камня мудрыхъ оказать столько же благодѣяній, какъ и при обладаніи имъ. Старецъ уклоняется отъ прямого отвѣта: важно, по его словамъ, не количество благодѣяній, а ихъ качество; онъ сводитъ вопросъ о производительности благодѣяній съ почвы общественной на почву личную: онъ говоритъ не о той пользѣ, которую юноша хочетъ принести обществу, а о томъ благѣ, къ которому долженъ стремиться каждый человѣкъ для себя, если желаетъ получить вѣчное спасеніе. Впрочемъ, сейчасъ же онъ спѣшитъ добавить: „Ты столько не окажешь истинныхъ благодѣяній деньгами своими, сколько

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 99.

[2]) Философскимъ камнемъ.

окажешь ихъ своею дѣятельною, смиренномудрою, христіанскою жизнью. Строить больницы, конечно, громко въ мірѣ, но предохранить другихъ благоразумнымъ назиданіемъ, примѣромъ и благовременными малыми дарами для больницъ, конечно, гораздо болѣе, хотя и не гремитъ; но тайный благодѣтель, убогій христіанинъ, строитъ *себѣ* тѣмъ чертогъ на небеси". Однако, юноша убѣжденъ не вполнѣ: онъ напоминаетъ о цѣлебныхъ свойствахъ камня. „Пусть камень мудрыхъ, возражаетъ старецъ, есть всеобщее врачество, *о чемъ однако я сомнѣваюсь*", тѣмъ не менѣе изъ тысячи людей его найдетъ одинъ, притомъ потративъ на это исканіе много лѣтъ: „Лучше въ два года поучиться врачебной наукѣ и усовершенствоваться въ христіанскомъ ученіи. Тогда ты исцѣлишь самаго дряхлаго старика помощью Бога и своихъ познаній". Юноша убѣжденъ: „Батюшка, восклицаетъ онъ, я могу увѣрить васъ, что вы освободили меня отъ опасной страсти; теперь я вижу, сколь опасно и даже грѣшно искать камня мудрыхъ".

Изъ всего выше приведеннаго достаточно ясно, что русскіе розенкрейцеры мало интересовались алхиміей; гораздо болѣе занимали ихъ вопросы нравственнаго характера и мистическія мудрствованія.

Я привелъ нѣсколько отрывковъ изъ розенкрейцерской этики и теологіи для того, чтобы дать понятіе о характерѣ русскаго масонства въ той его вѣтви, которая признается худшей. Тѣмъ не менѣе и о розенкрейцерствѣ мы должны сказать, что оно отнюдь не оказывало на русское общество того дурного вліянія, какое приписывалось ему многими изслѣдователями. Какъ по цѣлямъ, такъ и по характеру русское масонство было явленіемъ весьма почтеннымъ и вызваннымъ дѣйствительными потребностями. Въ сущности, оно преслѣдовало тѣ же цѣли, что и вся наша литература прошлаго столѣтія. Оно нападало на деморализацію русскаго общества и давало средства къ его исправленію. Въ то время, какъ литература остановилась на шутливомъ осмѣяніи современной дѣйствительности, масонство слило свое ученіе съ жизнью; оно отказалось у насъ отъ утопическихъ стремленій западно-европейскаго масонства и изъ орденскаго ученія составило популярную нравственную философію, которую само и проводило въ жизнь. Въ этомъ суженіи цѣлей и лежитъ главное значеніе нашего масонства. Благодаря дѣятельности лучшихъ русскихъ масоновъ, оно приняло у насъ ту форму, которой требовала современная жизнь, оно дало намъ первую нравственную философію и пыталось дать современной русской мысли болѣе серьезное направленіе.

Конечно, масонство несвободно было отъ крайностей; но иначе и

быть не могло: при наступленіи реакціи одна крайность всегда порождаетъ другую, противоположную первой.

II.

Я уже указывалъ на то, что преобразовательныя идеи русскаго масонства были сходны съ тѣми идеями, которыя проповѣдовала современная литература, а вмѣстѣ съ нею и Императрица Екатерина II, какъ писательница. Почему же, спрашивается, она смѣялась надъ масонскими кружками и преслѣдовала его членовъ? Гдѣ видѣла она вредную сторону масонства и что нашла въ немъ смѣшного? Попытаемся рѣшить этотъ вопросъ на основаніи собственныхъ ея сочиненій противъ масонства.

Комедіи Екатерины II были не первыми сочиненіями, напечатанными въ Россіи съ цѣлью воспрепятствовать быстрому распространенію масонства въ обществѣ. Еще въ 1784 г., вѣроятно, по внушенію правительства, типографіей Геннинга въ Петербургѣ было издано два сочиненія, направленныя противъ масоновъ.

Заглавіе перваго изъ нихъ: „*Мопсъ безъ ошейника и безъ цѣпи*, или свободное открытіе таинствъ общества, именующагося Мопсами“ [1]). Книжка эта представляетъ собой переводъ извлеченія изъ „L'ordre des Francs-Maçons trahi et le secret des Mopses révélé“, аббата Ларюдана (Larudan). Здѣсь мы находимъ описанія обрядовъ принятія въ общество Мопсовъ, куда допускались и особы женскаго пола, далѣе описаніе столовыхъ собраній, на которыхъ Мопсы предавались объяденію и пьянству; дѣло не обходилось безъ шалостей и эротическаго характера. Въ концѣ книжки помѣщенъ „Катихизисъ Мопсовъ“.

Гораздо подробнѣе и серьезнѣе другое сочиненіе: „*Масонъ безъ маски*, или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно“; переводъ сдѣланъ съ англійскаго подлинника. Всѣ таинства масонскія, по мнѣнію автора, не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ пустыхъ обрядовъ, которые можно назвать ребячествомъ.

Мнѣніе автора этой книжки, какъ мы увидимъ далѣе, оказало вліяніе и на взгляды Императрицы Екатерины II на масонство. „Выключивъ изъ ложъ, говоритъ авторъ книжки въ концѣ «Преду-

---

[1]) Описаніе этихъ книжекъ находится у Губерти въ его „Хронологическомъ обозрѣніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія“ подъ №№ 71 и 72.

вѣдомленія», всѣ тайнообразія и частное корыстолюбіе ихъ предсѣдателей и нѣкоторыхъ засѣдателей, можно почесть эти ложи за изрядные англійскіе клубы, куда собираются по вечерамъ всякаго рода люди... пить хорошій портеръ и говорить съ совершенною свободою о торговлѣ, о вѣрѣ, о правительствѣ, наукахъ, художествахъ, словомъ, о всемъ томъ, о чемъ только кто говорить желаетъ". Братство вольныхъ каменщиковъ поддерживается легкомысліемъ молодыхъ членовъ его и „апологіями старыхъ, въ коихъ столь много пушистыхъ словъ, столь мало правды обрѣтается". Далѣе отвергаются легенды о происхожденіи масонства и объясняется аллегорическое значеніе обрядовъ и знаковъ масонскихъ. За свое собственное вступленіе въ орденъ авторъ поплатился деньгами, онъ давалъ „фрерамъ" богатый ужинъ съ ликерами, портеромъ и винами. За этимъ ужиномъ Венерабль (Vénérable — мастеръ ложи) командовалъ попойкой, какъ артиллеріей, приказывая заряжать пушки (стаканы) то бѣлымъ, то краснымъ порохомъ (виномъ). Далѣе авторъ разсказываетъ о своемъ вступленіи въ высшія степени, даетъ форму присяги, сообщаетъ о катехизисѣ; надъ всѣмъ этимъ онъ издѣвается, какъ надъ нелѣпостями.

Собственно ученіе масонства ни въ томъ, ни въ другомъ сочиненіи не затронуты; оба осмѣиваютъ лишь внѣшнюю, обрядовую его сторону; вслѣдствіе этого и самое масонство является въ нихъ „ребячествомъ", заключающимъ въ себѣ однѣ „нелѣпости". Гораздо строже и подозрительнѣе смотритъ на дѣло извѣстное „*Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ*". Авторъ этого стихотворенія, появившагося очень давно (ранѣе 1765 г.), стремится вселить въ читателя ужасъ и отвращеніе къ масонству, обвиняетъ братьевъ въ развратѣ, въ томъ, что они „нудятся коварно плесть различны манеры, чтобъ къ антихристу привесть отъ Христовой вѣры".

Онъ обѣщаетъ имъ вѣчныя муки въ аду за то, что они „беззаконія храмъ мазали отлично, любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны".

Масонство старается вовлечь всѣхъ христіанъ въ развратъ,

„Православныхъ христіянъ мнити всѣхъ прельстити,
Чрезъ коварство поймавъ, къ бѣсу уловити.
Не возможетъ желанно обрѣстися вами,
Идите, мѣсто пространно наполните сами.
Хорошее мѣсто тамъ, и первыя ложи
Отведены будутъ вамъ, о масонскія рожи.
Играйте-жъ комедію теперь, пока живы.
Играть вамъ трагедію вѣчно несчастливы".

Всѣ упомянутыя мною сочиненія противъ масонства даютъ превратное понятіе о немъ и нисколько не знакомятъ съ его содержаніемъ. Напротивъ того, сочиненія Императрицы Екатерины, особенно ея комедіи, представляютъ собою сводъ весьма серьезныхъ обвиненій, которыя вполнѣ объясняютъ намъ причины ея недовольства русскими братьями и воздвигнутаго на нихъ гоненія. Спеціально съ полемическими цѣлями противъ масонства, написаны Екатериною: 1) „Тайна противонелѣпаго общества“ и 2) три комедіи въ пяти дѣйствіяхъ: „Обманщикъ“, „Обольщенный“ и „Шаманъ Сибирской“.

Первымъ изъ этихъ сочиненій по времени была „Тайна противонелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному“, вышедшая въ двухъ переводахъ съ французскаго текста Екатерины [1]). Щебальскій [2]) относитъ время появленія „Тайны“ къ 1758 г., Лонгиновъ — къ 1780 г. [3]), когда въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ появилось объявленіе о продажѣ французскаго текста. Во всякомъ случаѣ это произведеніе было написано раньше комедій противъ масонства. Въ „Тайнѣ“ осмѣиваются обряды принятія въ ложу, масонскій катехизисъ и „эмблемы“, „гіероглифы“; на внутреннюю сторону масонства Екатерина только намекаетъ, не дѣлая серьезнаго ея разбора. „Противонелѣпое общество“ — полная противоположность масонскому ордену; оно изгоняетъ всякія нелѣпости и „дѣтскія игрушки“, обрядность его согласуется съ требованіями „общаго разсудка“ (sens commun—здраваго смысла). „Ложа принятія должна быть комната, которая отнюдь бы не походила на корчму, а тѣмъ менѣе на лавку площадныхъ врачей. Мушьи ножки, начерченныя мѣломъ, и прочія дѣтскія игрушки или шалости навсегда изъ оной изгнаны“. Въ этихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на фантастическую обстановку масонскихъ ложъ. Эта таинственная, отзывающая шарлатанствомъ, обстановка въ самомъ дѣлѣ должна была казаться странной непосвященному. Сводъ ложи розенкрейцеровъ, напримѣръ, дѣлался на подобіе свода небеснаго; на немъ изображены были солнце и луна. На масонскомъ коврѣ находились изображенія столповъ, блистающей звѣзды, дикаго камня, циркуля, отвѣса и проч. Всѣ эти изображенія имѣли символическое

---

[1]) Другой переводъ носитъ заглавіе: „Тайна общества, вздоровъ не терпящаго, открытая человѣкомъ постороннимъ“.

[2]) Драматическія и нравоописательныя сочиненія Екатерины II. *Русскій Вѣстникъ*, 1871, № 6.

[3]) Новиковъ и московскіе мартинисты.

значеніе. Такъ, солнце было символомъ могущества, благости, вездѣсущія и вѣчности Бога; блистающая звѣзда означала благоразуміе и проч. [1]). Ложа освѣщалась тремя свѣтильниками; братья были въ бѣлыхъ одеждахъ. Всю эту обстановку Екатерина уподобила мушьимъ ножкамъ и дѣтскимъ игрушкамъ. Принимаемый въ „противо-нелѣпое общество“ входитъ съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ; глаза его не завязаны, онъ „во всей одеждѣ, для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ“. Извѣстно, что при принятіи въ ложу галстухъ, верхнее платье и рубашка неофита разстегивались. Это означало, что съ момента вступленія въ товарищи [2]) брату не будетъ дѣлаться никакихъ препятствій, какъ ученику, находящемуся уже на хорошемъ пути [3]).

Далѣе, продолжаетъ Екатерина, начальникъ вручаетъ неофиту нѣсколько тетрадей, самыя заглавія которыхъ характеризуютъ взглядъ автора на масонскую науку.

„*Принимаемый, взявъ одну, читаетъ:* «Орвіетанъ».

Начальникъ спрашиваетъ. Что вы объ этомъ думаете?

Отвѣтъ. Это такая нелѣпость, которую должно бросить.

Начальникъ. Ну, такъ бросьте же ее *(указывая на каминъ)*, и возьмите другую.

Принимаемый читаетъ: „Сказка о кикиморахъ, о бабѣ Ягѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка, и коими надъ людьми издѣваются“.

Начальникъ. О семъ что вы думаете?

Отвѣтъ. Это, кажется, скучно, ежели еще не хуже.

Начальникъ. Что-жъ вы съ этимъ думаете сдѣлать?

Отвѣтъ. Туда же отправить, куда и прежнее“.

Заглавіе первой тетради — „Орвіетанъ“ — осмѣиваетъ заглавія и туманное содержаніе мистическихъ и особенно алхимическихъ сочиненій, бывшихъ въ ходу у нашихъ масоновъ. Дѣйствительно, такія заглавія, какъ „Хризомандеръ“, „Крата Репоа“, „Gemma magica“ — должны были казаться непосвященному „нелѣпостью, которую должно бросить“, тѣмъ болѣе, что этимъ заглавіемъ по своей туманности отчасти соотвѣтствовало и содержаніе книгъ.

---

[1]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 153.

[2]) Вторая „іоанновская степень“.

[3]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 153. Статья: „Размышленія о наукѣ масонской или свободныхъ каменщиковъ“.

Всѣ алхимическія сочиненія, переводы которыхъ читались масонами XVIII столѣтія, написаны тяжелымъ, трудно понимаемымъ языкомъ. Бомбастъ Парацельсъ, авторъ извѣстной „Химической Псалтыри“, такъ оправдываетъ туманный способъ изложенія своей книги. „Если бы онъ (т.-е. процессъ добыванія философскаго камня) явно описанъ былъ, чтобъ каждый сапожникъ или баба его разумѣть могла, то сіе было бы великое воровство и не было бы уже таинство, и многія бы бѣдствія онымъ произведены могли быть, ибо тогда бы явно противу воли Божіей поступать стали“ [1]).

Что же касается сказки о кикиморахъ и пр., то здѣсь, конечно, Императрица намекаетъ на различныя исторіи происхожденія масонскихъ орденовъ. Масоны считали свое ученіе чрезвычайно древнимъ; иные указывали на то, что масонство началось вмѣстѣ съ сотвореніемъ человѣка, которому Богъ открылъ тайны вселенной; другіе относили его происхожденіе ко времени, непосредственно слѣдовавшему за грѣхопаденіемъ первыхъ людей. Оно заключалось въ стремленіи возстановить тѣ знанія о Богѣ и природѣ, которыя были утрачены Адамомъ послѣ паденія. Затѣмъ, исторія ордена связывалась съ различными еврейскими сектами (ессеи и терапевты у розенкрейцеровъ); далѣе, съ построеніемъ Соломонова храма, съ орденомъ тампліеровъ, въ послѣднее время—съ средневѣковыми ремесленными цехами; въ каждомъ орденѣ была своя исторія, составлявшая строгую тайну. Эти-то легенды о происхожденіи масонскихъ орденовъ Екатерина и называетъ въ насмѣшку „сказкой о бабѣ Ягѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка“.

Слѣдующія надписи на тетрадяхъ, предлагаемыхъ принимаемому въ „Противо-нелѣпое общество“, обвиняютъ масонство въ шарлатанствѣ, „злоупотребленіи увѣреній и обѣщаній“, наконецъ, въ томъ, что русскіе братья посылаютъ свои деньги къ чужестранцамъ.

Итакъ, въ „Тайнѣ противу-нелѣпаго общества“ Императрица Екатерина смотритъ на масонство только какъ на „болтанье и дѣтскія игрушки“; поэтому и орудіемъ исправленія масоновъ, какъ и дурныхъ дѣтей, является лишь розга (эмблема I). Очевидно, Екатерина не признаетъ еще въ масонствѣ серьезнаго общественнаго движенія, достойнаго внимательнаго изученія; „сказка“ масоновъ производитъ въ ней только зѣвоту (эмблема III); занятія ихъ—невинныя игрушки, которыя только подаютъ поводъ имѣть дурное мнѣніе о благоразуміи

---

[1]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 38. „X піесъ о Герметикѣ“. 1. Правила Теофраста Бомбаста Парацельса о герметической наукѣ.

тѣхъ, кто ими увлекается (объясненіе эмблемы II): серьезнаго вниманія они не заслуживаютъ, преслѣдовать ихъ не стоитъ. Мы увидимъ далѣе, что Императрица вскорѣ измѣнила свой взглядъ на масонство и стала относиться къ нему съ большею серьезностью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большею подозрительностью.

За разъясненіемъ эмблемъ, которыя пародируютъ „гіероглифы" масоновъ, слѣдуетъ „Катихизисъ", представляющій собою сводъ уже высказанныхъ ранѣе обвиненій. Въ „Катихизисѣ" Екатерина дѣлитъ, какъ и позднѣе въ комедіяхъ, всѣхъ масоновъ на два разряда: обманывающихъ и обманутыхъ. И тѣхъ и другихъ она называетъ „большими дѣтьми"; первыхъ, потому что они „бывши прежде сами игралищемъ другихъ, почитаютъ себя оправданными, играя легковѣрностью прочихъ"; вторыхъ,—потому что они, „бывъ уже обмануты, дозволяютъ себя вовлечь пустымъ любопытствомъ въ тѣ же сѣти". Далѣе, въ „Катихизисѣ" осуждаются „двоезнаменательныя рѣчи", „пустыя и неясныя слова", приводящія къ ложнымъ разсужденіямъ; наконецъ, „необычайныя и странныя тѣлодвиженія", о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ при разсмотрѣніи комедіи „Шаманъ Сибирскій". Въ „Катихизисѣ" слѣдуетъ еще отмѣтить вполнѣ справедливый взглядъ Императрицы на „тайну" масоновъ.

„*Вопросъ*. Есть ли хотя единъ изъ человѣковъ, который бы тѣмъ забавлялся?

Отвѣтъ. Ни одного.

Вопросъ. Это слово двоесмысленно, изъяснитеся.

Отвѣтъ. Это тайна.

Вопросъ. Буде вы обѣщали ее хранить, вы хорошо сдѣлаете, если ее не откроете.

Отвѣтъ. Я не обѣщалъ молчать о тайнѣ, которая подобна театральной, о которой всякъ другъ другу на ухо шепчетъ. Впрочемъ, тайна сія пространно и обстоятельно во многихъ книгахъ напечатана".

Пресловутая масонская тайна болѣе всего вызывала нападеній на масонство со стороны общества XVIII вѣка. Сами масоны придерживались ея только потому, что строго слѣдовали буквѣ масонскаго устава, считавшагося установленіемъ древнимъ и непогрѣшимымъ. Впрочемъ, „тайна" и была сведена въ сущности почти къ нулю: она была обязательна лишь въ отношеніи масонскихъ обрядовъ и „гіероглифовъ". — „Гіероглифы" — эмблемы масонскаго ученія, — сами по себѣ были только обозначеніемъ духовныхъ понятій; „дикой камень", напримѣръ, былъ символомъ грѣховнаго человѣка, солнце—символомъ

всемогущества Божія и т. д. Все остальное ученіе масоновъ не составляло тайны. Уже съ первой половины XVIII столѣтія появились въ печати книги, такъ или иначе прикосновенныя къ масонству и касающіяся его ученія. Самыми старыми масонскими книгами, напечатанными въ Россіи, слѣдуетъ, кажется, считать относящіяся къ первой половинѣ XVIII столѣтія: „Бѣлый масонъ" и „Защитникъ масонскія секты"; содержаніе ихъ, къ сожалѣнію, пока неизвѣстно. Оба сочиненія появились еще въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны. Ученіе масоновъ защищалось въ печати и, слѣдовательно, не могло быть тайною.

Вначалѣ тайну составляла еще легенда о происхожденіи масонства, легенда объ Адонирамѣ и храмѣ Соломоновомъ. Однако, и это было тайной лишь до того момента, пока не взялись за дѣло лучшіе наши масоны, какъ Новиковъ и Шварцъ. Какъ только начало распространяться розенкрейцерство, тотчасъ же Шварцъ въ своихъ лекціяхъ о трехъ познаніяхъ открыто разъяснилъ и эту тайну въ стѣнахъ Московскаго университета передъ множествомъ слушателей [1]). Русскіе масоны, продолжая говорить о тайнѣ, разоблачали ее понемногу передъ всѣми, такъ какъ сознавали несоотвѣтствіе самаго ея существованія съ характеромъ масонства. Екатерина замѣтила это противорѣчіе и зло посмѣялась надъ нимъ.

„Тайна противу-нелѣпаго общества" была первымъ сочиненіемъ Императрицы противъ масонства. Въ общемъ, высказанныя ею здѣсь обвиненія сводятся къ 3 пунктамъ; осмѣиваются: 1) нелѣпая обрядность, 2) крайній мистицизмъ и 3) нелѣпость масонской тайны. Всѣ три пункта исходнымъ пунктомъ имѣютъ шарлатанство, которое пользуется ими для того, чтобы обманывать ближнихъ и пользоваться ихъ наивной вѣрой. Эти обвиненія болѣе обстоятельно развиты въ комедіяхъ Екатерины противъ масонства. 4-го февраля 1786 г. въ первый разъ представлена была комедія „*Обманщикъ*". Главное лицо комедіи — обманщикъ Калифалкжерстонъ, въ лицѣ котораго Екатерина хотѣла представить извѣстнаго Каліостро. Каліостро былъ въ Петербургѣ въ 1779 г. [2]) и останавливался въ домѣ И. П. Елагина. Отсюда возникло предположеніе, что въ лицѣ обманутаго Самблина Екатерина разумѣла именно Елагина, хотя послѣдній нисколько не походилъ на добродушнаго и глуповатаго Самблина. Въ то время,

[1]) См. выше, стр. 16.

[2]) См. П. П. Французы въ Россіи. *Историческій Вѣстникъ,* 1886 г., октябрь.

къ которому относится написаніе пьесы, Елагинъ былъ уже убѣжденнымъ масономъ, основателемъ системы, носящей его имя въ исторіи. Поэтому сопоставленіе съ нимъ Самблина, въ простотѣ душевной позволяющаго Калифалкжерстону грабить себя, показываетъ лишь то, насколько несерьезно Императрица относилась въ то время къ масонству и какъ превратно представляла себѣ его значеніе для русской жизни. Дѣйствительно, смыслъ комедіи таковъ: пріѣзжаютъ въ Россію шарлатаны и, пользуясь легковѣріемъ русскихъ людей, обираютъ ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ; обманутые сами вовсе и не увлекаются ученіемъ обманщиковъ, а лишь, не понимая послѣдняго,—(а его и нельзя понять, такъ какъ это совершенная безсмыслица), обольщаются пошленькими надеждами на обогащеніе и попадаютъ впросакъ. Екатерина совершенно легкомысленно относится въ этой комедіи къ масонству. Конечно, не въ стремленіи къ обогащенію была тутъ суть дѣла, и этого нельзя было не видѣть. Императрица осталась вѣрна своему девизу шуткой исправлять нравы, она не отступила отъ требованій журнала „Всякая всячина", она нарочно игнорировала серьезную подкладку масонства и старалась подмѣтить и предать осмѣянію его смѣшныя стороны; она знала, что та толпа, которая считала масоновъ кровожадными извергами, разрушителями власти, готовыми даже отравить великую повелительницу Сѣвера [1],—эта толпа повѣритъ ей на слово. Екатерина, выставляя Калифалкжерстона, иностранца, представителемъ новаго движенія, въ этой комедіи, какъ и въ послѣдующихъ, считаетъ масонство чѣмъ-то чуждымъ русскому духу, явленіемъ, которое не можетъ глубоко пустить корней въ русскомъ обществѣ. Ей чуждо было увлеченіе мистицизмомъ, она не понимала возможности такого увлеченія; поэтому она думала, что масоны или мошенники, шарлатаны, пускающіе пыль въ глаза мнимою научностью своей туманной философіи, или же это глупцы, приходящіе въ восторгъ отъ того, чего не могутъ понять, и наивно вѣрующіе въ возможность легкаго и быстраго обогащенія. Поэтому русское общество играетъ лишь пассивную роль людей, довѣряющихся шарлатанамъ. Масса—это или Самблинъ, наивно ждущій обогащенія, или m-me Грибужъ, которая, слушая явную безсмыслицу Калифалкжерстона, говоритъ: „уменъ шеловѣкъ". „Сіе заставляетъ размышлять, замѣчаетъ Додинъ, резонеръ пьесы, какъ легко умъ

---

[1]) Записки А. М. Тургенева. *Русская Старина*, 1887 г., № 1.

людской занимается словами звонкими“ [1]). Самблину рѣчь Калифалкжерстона кажется ясной только въ его устахъ: на него дѣйствуетъ убѣдительный, quasi—научный тонъ шарлатана, когда тотъ произноситъ свои „страшныя слова“.

Само собою разумѣется, что масонство виновато было само въ этихъ обвиненіяхъ; его мистическая наука пестрѣла множествомъ ненужныхъ терминовъ, его натурфилософія излагалась всегда тяжелымъ, туго понимаемымъ языкомъ. „Качества наши суть количествы, аки девятое число въ исчисленіи“ [2]), говоритъ Калифалкжерстонъ. „Тутъ находятся лучи, пламень, бытіе, количество, свойство съ сопротивностями; кои воображенію и смыслу открываютъ обширныя поля“, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [3]). Этотъ безсмысленный наборъ словъ дѣйствительно напоминаетъ собою слогъ, какимъ написана большая часть сочиненій мистиковъ, пользовавшихся у насъ распространеніемъ: бытіе, лучи, пламень, количество—все это вы найдете въ любой масонской книжкѣ на каждой страницѣ. Отъ средневѣковыхъ мистиковъ масоны заимствовали и любовь къ символамъ, къ страннымъ аналогіямъ между мірами духовнымъ и матеріальнымъ, къ мистикѣ чиселъ. Основное положеніе масонской науки:—человѣкъ созданъ по образу Божію, а природа по образу человѣка, это положеніе заставляетъ масоновъ прибѣгать къ аналогіямъ, страннымъ и натянутымъ. По ученію масоновъ всякое тѣло составлено изъ трехъ началъ: соли, сѣры и меркурія. Точно такъ же и человѣкъ имѣетъ въ себѣ три начала—духъ, душу и тѣло, соотвѣтствующія тремъ началамъ въ природѣ [4]). Эти три начала—духъ, душу и тѣло—съ другой стороны сопоставляли съ тремя лицами Божества. Шварцъ [5]) сооотвѣтственно этимъ тремъ началамъ въ человѣкѣ находитъ и въ природѣ три вида существъ 1) люди—anima rationalis, 2) животныя—anima sensitiva и 3) растенія—anima vegetativa. Въ извѣстномъ сочиненіи „Теоретическій градусъ Соломонскихъ наукъ“ [6]) говорится, что тѣло человѣкъ получаетъ изъ стихій, духъ изъ неба и умъ изъ Бога. Шварцъ въ другомъ мѣстѣ [7]) уподобляетъ три чувства, нераздѣльно обитающія

---

[1]) Дѣйствіе III, сц. 4.
[2]) Дѣйствіе I, сц. 2.
[3]) Дѣйствіе III. сц. 2.
[4]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., Мас. сборникъ, F. III, № 47.
[5]) Конспектъ лекцій Шварца, Рук. Имп. Публ. Библ., O. III, № 112.
[6]) Рук. Имп. Публ. Библ., Мас. сборникъ, F. III, № 47 и др.
[7]) Лекціи о 3 познаніяхъ, л. 4.

въ человѣкѣ—чувства добра, красоты и истины,—Святой Троицѣ, единой и нераздѣльной. Какъ уже замѣчено, эти аналогіи являются слѣдствіемъ увлеченія масоновъ западно-европейскими мистиками. Уподобленія, подобныя только что приведеннымъ, мы сплошь и кряду находимъ у послѣднихъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ Порделжъ [1]) рожденіе Бога-Сына отъ Бога-Отца: Богъ-Сынъ есть образъ Бога-Отца, „понеже сей образъ формируется и производится какъ бы въ маткѣ всевнутреннѣйшей чувствованія силы концентраціею или всіяніемъ и совмѣщеніемъ цѣлаго Божественнаго Существа, который всѣ истеченія своей безконечной жизни и всѣхъ своихъ силъ, какъ нѣкое Божественное сѣмя, въ семъ внутреннѣйшемъ основаніи Божества вмѣстѣ свергаетъ". Какъ человѣкъ рождается отъ мужскаго сѣмени, „свергаемаго" вмѣстѣ въ маткѣ; такъ Богъ-Сынъ рождается отъ Бога-Отца въ маткѣ его собственной воли путемъ совмѣщенія или „всіянія" Его Существа, какъ мужского сѣмени. Подобныхъ примѣровъ можно бы набрать очень много изъ сочиненій мистиковъ. Розенкрейцеры только заимствовали отъ послѣднихъ эту любовь къ смѣлымъ уподобленіямъ. Причины этого стремленія къ аналогіямъ между мірами духовнымъ и матеріальнымъ слѣдуетъ искать, какъ я сказалъ выше, въ основномъ положеніи масонской науки. „Кто знаетъ законы натуры, говорятъ масоны [2]), долженъ необходимо знать и человѣка, а кто знаетъ человѣка, не можетъ не знать Бога, потому что *натура есть образъ человѣка, а человѣкъ есть образъ Бога*". Отсюда необходимо вытекаетъ стремленіе искать аналогій между Богомъ и человѣкомъ, между человѣкомъ и природой.

Екатерина подмѣтила въ печатной литературѣ масоновъ эту любовь къ аналогіямъ и поспѣшила осмѣять ее въ комедіи. Какъ радуга состоитъ изъ семи „коренныхъ" цвѣтовъ, такъ и женихъ дочери Самблина по опредѣленію Калифалкжерстона долженъ быть составленъ изъ семи коренныхъ цвѣтовъ [3]). Въ другомъ мѣстѣ комедіи [4]) тотъ же Калифалкжерстонъ заявляетъ: „Въ свѣтѣ точекъ столько, колико есть на небѣ звѣздъ; черты, протянутыя отъ первыхъ къ послѣднимъ, указываютъ мнѣ путь, предлежащій смертнымъ". Екатерина заставляетъ масоновъ отъ аналогій между духовнымъ и матеріальнымъ мі-

---

[1]) „Божественная истинная метафизика", ч. I, гл. V, 584—584.

[2]) „Размышленія о наукѣ масонской или свободныхъ каменщиковъ". Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III. № 153.

[3]) Дѣйствіе III, сц. 2.

[4]) Дѣйствіе IV, сц. 1.

рами переходить къ астрологіи; она переступила опасную черту, черезъ которую наши масоны не переступали: астрологіей они не занимались, какъ и не стремились, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, къ занятіямъ алхиміей. Однако, несомнѣнно, что и въ Россіи были „служители церкви антихристовой", стремившіеся къ „златодѣланію". По крайней мѣрѣ, какъ я говорилъ выше, изъ тайной масонской типографіи вышли книги, спеціально описывающія процессъ grande oeuvre'a, т.-е., добыванія философскаго камня [1]).

Однако, какъ мною уже указано, занятія алхиміей никакимъ образомъ нельзя поставить въ вину русскому масонству въ его цѣломъ: большинство отрицало „златодѣланіе". Между тѣмъ, Екатерина въ центрѣ своихъ обвиненій ставитъ именно алхимію. „Три мѣсяца, говоритъ Калифалкжерстонъ доктору, призванному лечить жену Самблина, какъ уже котелъ г. Самблина съ чистымъ золотомъ на огнѣ и день и ночь кипитъ; дней черезъ семнадцать, т.-е. при рожденіи новаго мѣсяца я его сниму съ очага при свидѣтеляхъ, и тогда окажется неисчерпаемое богатство, въ ономъ теперь зрѣющее" [2]). Самблинъ вѣритъ въ возможность превращенія всѣхъ металловъ въ золото, какъ вѣритъ и всѣмъ остальнымъ продѣлкамъ Калифалкжерстона. Послѣдній не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы вліять на глуповатаго Самблина. Онъ претендуетъ на весьма древнее происхожденіе: во время похода Александра Македонскаго ему уже было лѣтъ „какъ три противу четырехъ въ разсужденіи теперешняго" [3]); познанія его обширны, какъ вселенная, власть его неограниченна [4]); онъ варитъ золото, лечитъ людей гипнотизмомъ, который Екатерина считаетъ шарлатанствомъ. Таковъ Калифалкжерстонъ, учитель-иностранецъ. Русская публика въ надеждѣ на обогащеніе ухаживаетъ за нимъ, вѣритъ ему, хотя ученіе его остается для нея чуждымъ, она его не понимаетъ, но стыдится признать свое непониманіе. А шарлатаны-иноземцы подсмѣиваются надъ глупостью русскихъ и обворовываютъ ихъ.

Таковъ взглядъ Императрицы Екатерины II на масонство. Она не только не признаетъ его явленіемъ, важнымъ для русскаго общества и вызваннымъ его же потребностями, но отрицаетъ за-

---

[1]) Напримѣръ, „Колыбель камня мудрыхъ" и др.
[2]) Дѣйствіе II, сц. 3.
[3]) Дѣйствіе I, сц. 3.
[4]) Дѣйствіе I, сц. 2.

нимъ всякую самостоятельность. „Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новый... но едва не беретъ ли онъ по временамъ на себя виды только разные; сіе отдаю я вамъ (т.-е., зрителямъ) на размышленіе. Разуменъ тотъ изъ насъ, кто не всегда по модѣ слѣдуетъ предубѣжденію". Такъ кончаетъ Императрица пьесу словами Додина.

Комедія *„Обольщенный"* захватываетъ предметъ гораздо глубже. Обвиненія болѣе серьезны и болѣе обоснованы; самая комедія серьезнѣе, въ ней слышится не только насмѣшка, но и порицаніе. Содержаніе ея вкратцѣ слѣдующее: нѣкто Вокитовъ влюбленъ въ Таису, дочь русскаго масона Радотова. Сама Таиса начиталась масонскихъ книжекъ и бредитъ мистицизмомъ. Въ домѣ отца ея происходятъ собранія: являются худо одѣтые люди, ѣдятъ и пьютъ за четверыхъ и несутъ всякую околесину.

Другъ Вокитова, Тратовъ, чтобы помочь влюбленному, самъ притворяется масонскимъ мудрецомъ, входитъ въ довѣріе Таисы, убѣждаетъ ее не отталкивать Вокитова. Вскорѣ Брагинъ, женихъ племянницы Радотова, обличаетъ шарлатановъ въ воровствѣ; для того, чтобы проникнуть въ ихъ планы, онъ самъ вступаетъ въ ихъ общество; обманъ открывается, Таиса выходитъ замужъ за Вокитова, а Радотовъ возвращается на путь истины.

Въ этой комедіи Екатерина выводитъ въ лицѣ Радотова русскаго масона. Однако здѣсь она подтверждаетъ высказанное нами выше: масонское ученіе она продолжаетъ считать чуждымъ русскому духу, насильно привитымъ модою къ нашему обществу XVIII вѣка; по ея мнѣнію, русскіе масоны терпятъ отъ него „несказанную скуку" и не понимаютъ его, но стыдятся признать это изъ нежеланія отстать отъ другихъ. Конечно, такіе масоны были и, вѣроятно, не составляли исключительнаго явленія. Особенно часто вступала въ орденъ изъ любопытства или изъ тщеславія молодежь. Самъ Елагинъ, основатель цѣлой системы, носящей его имя, вступилъ первоначально въ масонство точно такъ же, какъ вступаетъ въ орденъ Радотовъ въ комедіи Екатерины. Сравнимъ то, что̀ говорятъ о своемъ вступленіи Радотовъ въ комедіи и Елагинъ въ запискахъ своихъ.

„Какъ тебя къ тому привели?" спрашиваетъ Бритягинъ, братъ жены Радотова [1]).

„Какъ... какъ прочіе.... Сначала я былъ влекомъ любопытствомъ; стремленіе двухъ-трехъ знакомыхъ людей меня убѣдило; потомъ само-

[1]) Дѣйствіе V, сц. 13.

любіе мое находило удовольствіе отличиться, инако думать, какъ домашніе, какъ знакомые; притомъ легковѣріе льстило: авось-либо увижу, услышу то, что почитаютъ за невозможное; только, по истинѣ, внутренно терпѣлъ я несказанную скуку".

А вотъ что говоритъ Елагинъ въ своихъ: „Запискахъ древняго любомудрія и богомудрія" [1]):

Его увлекли въ масонство „любопытство и тщеславіе, да узнаю таинство, находящееся, какъ сказывали, между ими, тщеславіе, да буду хотя на минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты.... Содѣйствовала тому и лестная надежда, не могу ли черезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему... Съ такимъ предубѣжденіемъ проводилъ я многіе годы въ исканіи въ ложахъ и свѣта обѣтованнаго и равенства мнимаго: но ни того, ни другого, ниже какія пользы не нашелъ, колико ни старался". Впослѣдствіи онъ глубже вникъ въ дѣло и пересталъ видѣть въ масонствѣ „единые предметы неудобопостижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя". Онъ созналъ ту пользу, которую можно было извлечь изъ „нравственныхъ преподаяній" масонскаго ученія, и сдѣлался его убѣжденнымъ „адептомъ".

При чтеніи комедіи, нельзя не признать, что Императрица Екатерина мастерски подмѣчала слабыя стороны масонскаго ордена. Само собою разумѣется, что убѣжденія подобныхъ Радотову лицъ, вступающихъ въ орденъ изъ самолюбія и любопытства, не могли быть сколько-нибудь прочны. Зато Лопухинъ и называетъ ихъ „духовными сластолюбцами", принадлежащими къ „антихристовой церкви" [2]). Такимъ „духовнымъ сластолюбцемъ" Екатерина и представила Радотова. Его убѣжденія притворны, онъ такъ же легко разстается съ ними, какъ легко ихъ принялъ. Однако въ этой комедіи Екатерина уже обращаетъ вниманіе на вліяніе масонской литературы на русскую публику. Развивавшееся подъ этимъ вліяніемъ мистическое настроеніе нашло себѣ выразителя въ комедіи въ лицѣ дочери Радотова, Таисы. Она толкуетъ о переселеніи душъ въ бабочекъ, о „лучѣ свойствъ,

---

[1]) „Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменьщиковъ, изъ разныхъ творцовъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная и въ 5-ти частяхъ предложенная И. Е. великимъ россійскія провинціальныя ложи мастеромъ". Русскій Архивъ, 1864, № 1.

[2]) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, гл. 4, § 2. См. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 67 и др.

къ семи поясамъ привязанномъ", о „сокровенныхъ пружинахъ, нами движущихъ". Она, любуясь звѣздами, планетами, солнцемъ и мѣсяцемъ, нетерпѣливо жаждетъ „слышать гласа живущихъ во стихіи". Здѣсь Императрица кидаетъ упрекъ масонамъ въ томъ, что ихъ мистическая литература вредно отзывается на впечатлительной молодежи. „Вдалась она нынѣ въ чтеніе тѣхъ книгъ, кои покупаютъ многіе по одной модѣ, въ коихъ поистинѣ я не нахожу ни смысла точнаго, ни разсудка здраваго" [1]). Какъ видимъ, въ этой комедіи обвиненія Императрицы дѣлаются болѣе серьезными.

Она представляетъ бо́льшій интересъ еще потому, что въ ней обрисовано русское масонское общество: всѣ учителя Радотова—русскіе масоны, въ домѣ перваго совершаются орденскія занятія, находится масонская ложа. Эти учителя-масоны,—то же, что̀ и Калифалкжерстонъ: обманщики и шарлатаны, выманиватели денегъ, любящіе попить и поѣсть на чужой счетъ. „Одѣты они дурно, говорятъ языкомъ невразумительнымъ, лицами блѣдны, отъ голода-ли то, не вѣдаю, описываетъ ихъ жена Радотова,—но когда съ нимъ (съ Радотовымъ) обѣдаютъ, тогда для нихъ вдвое пить и ѣсть изготовить надлежитъ" [2]). Двое изъ нихъ—Бармотинъ и Дадякинъ—масоны убѣжденные; они нарочно выведены глупыми людьми, которые наивно вѣрятъ шарлатану Протолку; Бармотинъ, торговецъ перстнями, вводя въ орденъ Брагина, искренно радуется „умноженію вертограда" [3]); онъ увѣренъ, что у Протолка за пазухой сидятъ сотнями „душки", иные „съ хрипоткою, иные заики, либо говорятъ сквозь носъ" [4]). Въ концѣ концовъ шарлатаны разломали ларецъ съ деньгами и бумагами и украли его содержимое. Протолкъ и Бѣбинъ задержаны и уличены въ кражѣ; Дадякинъ и Бармотинъ оставлены подъ подозрѣніемъ, и Брагинъ соглашается взять послѣдняго на поруки. „Онъ для меня крайне забавенъ и годенъ въ добрые домашніе шуты" [5]). Итакъ, масоны дѣлятся на обманщиковъ и обманутыхъ; до сихъ поръ Екатерина относится къ послѣднимъ довольно добродушно: она посмѣивается надъ ними, считаетъ ихъ хорошими шутами, но не преслѣдуетъ ихъ. Вскорѣ взгляды ея нѣсколько измѣнились въ этомъ пунктѣ;

---

[1]) Дѣйствіе III, сц. 1.
[2]) Дѣйствіе I, сц. 1.
[3]) Дѣйствіе III, сц. 7.
[4]) Дѣйствіе IV, сц. 5.
[5]) Дѣйствіе V, сц. 10.

отъ легкой насмѣшки она переходитъ къ предостереженіямъ, а затѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, и къ угрозамъ далеко не невиннаго свойства.

Въ „Обольщенномъ“ Екатерина возвращается еще разъ къ темѣ, затронутой уже ею въ „Тайнѣ противунелѣпаго общества“. Въ 4-мъ дѣйствіи комедіи Радотовъ въ качествѣ мастера ложи принимаетъ Брагина въ масоны. Обрядъ принятія даетъ автору поводъ посмѣяться надъ нелѣпой масонской обрядностью. При помощи той таинственности, въ которую облекались масонскія собранія, орденъ привлекалъ къ себѣ любопытство непосвященныхъ. Эта таинственность сослужила масонамъ несомнѣнную пользу: многіе вступали въ орденъ изъ любопытства, но впослѣдствіи, убѣдившись въ важности для общества масонскаго ученія, становились его убѣжденными послѣдователями. Съ другой стороны, таинственная обрядность, совершенно не соотвѣтствовавшая филантропической дѣятельности братьевъ и налагавшая на орденъ подозрительный колоритъ тайнаго общества, вызывала и насмѣшки и подозрѣнія со стороны современниковъ. Но вслѣдствіе приверженности къ буквѣ ихъ непогрѣшимаго устава масоны переняли вмѣстѣ съ остатками обрядности средневѣковыхъ ремесленныхъ цеховъ, которые развились со временемъ въ масонскіе кружки съ нравственно-философскимъ характеромъ, и новые нелѣпые обряды, придуманные шарлатанами для большаго эффекта и большаго интереса. Эта обрядность настолько наивна, что не заслуживаетъ серьезныхъ нападеній: это дѣйствительно „дѣтскія игрушки“, какъ назвала ихъ Екатерина; вреда она не могла принести никому и не мѣшала той пользѣ, какую приносила нравственная философія масонства. Императрица Екатерина была, очевидно, достаточно хорошо знакома съ этой обрядностью. Для того, чтобы нагляднѣе показать это, я опять сопоставлю комедію съ „Ученіемъ древняго любомудрія“ Елагина. Служанка Радотовой, Прасковья, смотритъ въ щелку закрытой на ключъ двери комнаты Радотова, въ которой происходитъ обрядъ принятія Брагина. „Они, казалось мнѣ, играли въ жмурки... говоритъ она. Онъ (Брагинъ) и ходилъ съ завязанными глазами; они же надъ нимъ дѣлали разныя проказы, и межъ прочими такія, что я нахохоталась“ [1])... Въ Елагинскихъ ритуалахъ, напечатанныхъ Пекарскимъ [2]), описывается этотъ обрядъ принятія. Здѣсь мы узнаемъ, что посвящаемаго вводили въ ложу съ завязанными глазами; затѣмъ

[1]) Дѣйств. IV, сц. 2.

[2]) Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи.

съ него снимали повязку и приставляли къ его груди острія мечей, требуя клятвы въ соблюденіи тайны. Мастеръ вслѣдъ за тѣмъ трижды ударялъ по приставленному къ груди неофита циркулю; кровь текла въ чашу и соединяла новаго масона съ прежними братьями. Впослѣдствіи эти обряды все болѣе и болѣе усложнялись; въ нѣкоторыхъ ложахъ, кажется, показывались разные провалы, раскаленное желѣзо и проч. Впрочемъ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ рукописяхъ такихъ ужасныхъ обрядовъ; можетъ быть, у насъ такихъ и не существовало. Какъ бы то ни было, но Екатерина не упустила такого благодарнаго для насмѣшекъ матеріала. Брагинъ разсказываетъ, что онъ во время обряда „падалъ въ пропасти", „восходилъ на вышину", „сидѣлъ по горло въ водѣ". Къ этому онъ присоединяетъ еще, что въ концѣ концовъ напился пьянъ до безпамятства [1]). Нападки Екатерины не останавливаются на насмѣшкахъ надъ „дѣтскими игрушками"; она обвиняетъ масоновъ въ томъ, что ихъ собранія заканчиваются повальнымъ пьянствомъ: новопринятый вмѣстѣ съ Бармотинымъ выходятъ изъ ложи совершенно пьяными. Обвиненія въ развратѣ, какъ это ни кажется страннымъ, довольно часто сыпались на масоновъ со стороны далеко не нравственнаго русскаго общества XVIII в. Это на первый взглядъ странное обстоятельство легко объясняется воспоминаніемъ, оставшимся въ обществѣ о первоначальномъ характерѣ русскаго масонства: вначалѣ, когда масонское ученіе не привилось еще въ достаточной степени къ русскому обществу, когда видные масонскіе дѣятели не принялись еще за его переработку, оно дѣйствительно носило легкомысленный характеръ. Я уже приводилъ выше отзывъ Елагина о первоначальномъ масонствѣ. Извѣстно далѣе, что послѣдователи системы, основанной Мелиссино, обратили въ концѣ концовъ свои собранія во что то вродѣ клуба съ очень нехорошимъ оттѣнкомъ: онъ такъ и назывался „Евинъ клубъ". Очень вѣроятно, что и тогда, когда во главѣ движенія стали извѣстные масоны—Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ и др., и тогда, можетъ быть, кое гдѣ флагомъ масонства пользовались для того, чтобы прикрывать именемъ орденскихъ собранія не совсѣмъ чистаго характера. Это было тѣмъ болѣе легко, что въ масонствѣ существовали такъ называемыя „столовыя собранія". Во время этихъ собраній полагалось „питье за здравіе", при чемъ предлагались три тоста: 1) за начальниковъ, 2) за главнаго надзирателя и 3) за благонамѣренное желаніе

[1]) Дѣйств. IV, сц. 8.

братьевъ. При этомъ пѣлись масонскія пѣсни [1]). Эти собранія съ другой стороны легко могли подать поводъ къ обвиненію масоновъ въ томъ, что они устраиваютъ оргіи.

Кромѣ насмѣшекъ надъ масонской обрядностью въ „Обольщенномъ" разсѣяны насмѣшки и надъ содержаніемъ масонскаго ученія. Мистицизмъ и алхимія, конечно, на первомъ планѣ; но здѣсь главное вниманіе автора обращено не на алхимію, а именно на мистическую философію; вслѣдствіе этого, и самый характеръ сужденій Екатерины становится менѣе шутливымъ, а масонское ученіе является довольно основательно разобраннымъ. Уже въ „Обманщикѣ" Императрица мимоходомъ посмѣялась надъ мистикой чиселъ: мы помнимъ, что Калифалкжерстонъ говорилъ о женихѣ, который долженъ быть составленъ изъ семи коренныхъ цвѣтовъ. Злополучное число семь опять появляется и въ „Обольщенномъ". „Статься можетъ, говоритъ Таиса, что когда-нибудь удостоишься получить лучъ свойствъ, къ седьми поясамъ привязанный" [2]). Въ другомъ мѣстѣ [3]) она говоритъ: „Мы здѣсь теперь, кажется, находимся... въ числѣ совершенномъ"... — „Да, въ четвероугольникѣ томъ, гдѣ трое суть четыре", не смущаясь отвѣчаетъ ей Тратовъ. Нѣкоторыя числа, какъ 3, 7, дѣйствительно, имѣли особенно важное значеніе въ мистической наукѣ масоновъ. Соотвѣтственно семи цвѣтамъ радуги и семи знакамъ зодіака, напримѣръ, масоны насчитывали семь смертныхъ грѣховъ [4]), семь главныхъ добродѣтелей [5]), семь необходимыхъ масону наукъ [6]), къ алтарю въ ложѣ вело семь ступеней и т. д.

Какъ и въ „Обманщикѣ", мы находимъ въ „Обольщенномъ" намеки на занятія алхиміей, далѣе на занятія вызываніемъ духовъ, исканіемъ панацеи, каббалистикой. Въ нѣсколькихъ словахъ Бритягина [7]) сильными штрихами очерчена нелѣпость масонской натурфилософіи и связаннаго съ нею „суемудрія": „Онъ (Радотовъ) варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ нивѣсть что; домогается притомъ имѣть свиданія невѣдомо съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коимъ разумный

---

[1]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 100.

[2]) Дѣйств. III, сц. 2.

[3]) Дѣйств. III, сц. 4.

[4]) См. напр. Рук. Имп. Публ. Библ. О. III, № 32.

[5]) См. Рук. Имп. Публ. Библ. Q. III, № 153.

[6]) См. Конспектъ лекцій Шварца, Рук. Имп. Публ. Библ. О. III, № 175.

[7]) Дѣйств. II, сц. 8.

свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется... Голову свернули ему каббалистическія старыя бредни; для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя".

Каббалистика, о которой говоритъ здѣсь Екатерина, есть продуктъ іудейскихъ сектъ. Ея предметъ—мистическое толкованіе Священнаго писанія и „Божественная метафизика", т.-е. теологія. Въ основаніи каббалистики лежало ученіе, которое носитъ названіе „эманатизма"; это ученіе объ истеченіяхъ Божества изложено мною выше. Теоретическая каббалистика дѣлится на догматическую и буквенную. Догматическая занималась метафизикой о Божествѣ, буквенная—мистическимъ толкованіемъ буквъ, входящихъ въ составъ словъ, которыми обозначаются какія-либо духовныя понятія; въ толкованіи словъ имѣло значеніе число буквъ или порядокъ ихъ. Масонская наука пользовалась и тѣмъ, и другимъ видомъ каббалистики. Примѣръ догматической каббалистики мы видѣли въ ученіи объ истеченіяхъ Божества (эманаціяхъ).

Ученіемъ древнихъ евреевъ о Богѣ и о разныхъ мірахъ, видимыхъ и невидимыхъ, воспользовались средневѣковые мистики. Книги „Іецирахъ" и „Зогаръ", излагающія іудейскую каббалистику, пользовались у нихъ большимъ уваженіемъ. Это уваженіе перешло и къ масонамъ. Самъ Шварцъ говорилъ, что Священное Писаніе написано „каббалистическимъ образомъ". По его словамъ [1]) каббалистическій свѣтъ „учитъ насъ смыслу Священнаго Писанія, всѣмъ святымъ вещамъ, познавать будущее и опредѣленіе Божіе и Мессію. Чрезъ сей свѣтъ дѣлаются намъ вразумительны Соломоновы писанія—псалмы. Сей свѣтъ есть сверхнатуральное небо, рай,—influentia divina". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Пророки говорили каббалистическимъ образомъ, и только каббалистическій духъ можетъ сдѣлать ихъ вразумительными для насъ". Вотъ на это-то увлеченіе древне-еврейской каббалой и намекаетъ Екатерина, говоря объ еврейскомъ учителѣ, приглашенномъ Радотовымъ. Разбираніе „какихъ-то цифровъ", счисленіе, „основанное на буквѣ имени особы той" [2])—все это намеки на буквенную каббалистику. Что касается вызыванія духовъ, о которомъ такъ же говоритъ Бритягинъ, то имъ наши ма-

---

[1]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 112, стр. 14. „Разныя замѣчанія покойнаго Шварца".

[2]) „Обманщикъ", д. IV, сц. 1.

соны не занимались, такъ какъ слѣдовъ о своемъ знакомствѣ съ подобнаго рода занятіями, кажется, не оставили вовсе.

Комедія „Обольщенный“ изъ всѣхъ трехъ комедій Императрицы противъ масонства даетъ наиболѣе полную оцѣнку его. Мы только что ознакомились съ оцѣнкой его со сторонъ обрядовой и научной; первую Екатерина считаетъ ребячествомъ, „дѣтскими игрушками“, вторую — „бабьими сказками“. Этого однако недостаточно для того, чтобы возбудить негодованіе противъ „вольныхъ каменщиковъ“ и заставить ихъ преслѣдовать; поэтому вездѣ, гдѣ Императрица касается этихъ сторонъ масонства, тонъ комедіи насмѣшливый, шутливый. Но масонство не исчерпывалось обрядами и туманной метафизикой: оно было нравственной философіей прежде всего и съ этой стороны заслуживало серьезнаго отношенія. Русскіе масоны обратили главное свое вниманіе на эту нравственную сторону, и Екатерина не могла проглядѣть ея и не проглядѣла. Выше я указывалъ на то, какъ высоко стояла масонская этика по сравненію съ нравственнымъ кодексомъ современнаго русскаго общества. Императрица Екатерина II увлеклась нападеніями на масонство и вмѣстѣ съ мистическими бреднями осудила и его ученіе о нравственности. Она нашла это ученіе вреднымъ, вліяніе его растлѣвающимъ, и тонъ ея становится серьезнымъ: устами Бритягина она высказываетъ свои возраженія, съ которыми приходилось считаться. Эгоистическій аскетизмъ—вотъ самое серьезное изъ ея обвиненій. Вопросъ этотъ затронутъ уже мною въ общемъ обзорѣ масонскаго ученія: я показалъ тамъ всю несостоятельность этого обвиненія. Масоны стремились, какъ я указывалъ, достичь при помощи отреченія отъ „суетъ міра“ душевнаго спокойствія мудреца. Это стремленіе Екатерина отожествила съ безчувственностью. Комедія начинается разговоромъ между женой Радотова и Бритягинымъ, ея братомъ. Жена Радотова высказываетъ предположеніе о томъ, что мужъ ея сошелъ съ ума.

„*Бритягинъ.* Жалуется ли чѣмъ? не имѣетъ ли болѣзни?

Радотова жена. Удивишься, братецъ, какъ услышишь о томъ его разсужденіе! Боли всякой онъ весьма радъ, какъ собственно своей, такъ и людей постороннихъ.

Бритягинъ. Сей вкусъ есть совершенно новый!

Радотова жена. Недавно, когда ты былъ боленъ, я пришла ему сказать, что жаръ умножается, и находятъ въ тебѣ врачи опасности; онъ мнѣ на то сказалъ: „радуюся тому весьма“! Я заплакала; а онъ увѣрить меня старался, что болѣзнь есть благое самое состояніе.

Бритягинъ. Не взлюбилъ онъ меня что ли? Мы всегда были дружны.

Радотова жена. Я увѣрена, что онъ тебя любилъ прежде, съ дѣтьми и со мною наравнѣ, но теперь не знаю; онъ отъ всѣхъ насъ дичится.

. . . .

Бритягинъ. Колико отдаляется въ жизни кто отъ принятыхъ уже повсюду правилъ, толико приближается онъ къ колобродному воображенію. Если мужъ твой худому радъ, какое же имѣетъ надъ нимъ дѣйствіе хорошее? Неужто оно ему причинитъ грусть и печаль?

Радотова жена. Онъ уклоняется отъ того, что намъ кажется хорошо, весело, пріятно; равномѣрно и отъ людей и дѣлъ.

Бритягинъ. Это называется чуждаться отъ благопринятаго. Что же онъ дѣлаетъ, когда одинъ?

Радотова жена. Углубясь въ мысляхъ, сидитъ на стулѣ; передъ нимъ на столѣ лежитъ раскрытая книга. Читаетъ ли онъ или нѣтъ, того не знаю, но когда я вхожу, онъ меня не слышитъ и не видитъ, и нахожу его обыкновенно глаза утупя на одномъ мѣстѣ, недвижимъ, точно аки написанъ на картинѣ".

Высказанныя здѣсь обвиненія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) масонство учитъ, что болѣзнь есть благо; 2) оно приказываетъ уклоняться отъ людского общества, его радостей и дѣлъ; 3) оно убиваетъ лучшія человѣческія чувства. Радотовъ „облачился латами", „завернулся въ епанчу нечувствительности". „Не приводи въ движеніе страсти, оставь меня въ покоѣ", говоритъ онъ матери [1]).

Безчувственность Радотова — это плохо понятое стремленіе масоновъ къ идеалу мудреца, покорителя страстей. Средствомъ къ достиженію этого идеала служило самопознаніе путемъ самоуглубленія.

„Мудрый всегда внутри себя скрывается; у него глаза отверзты, а ротъ закрытъ", читаемъ мы въ замѣткахъ одного розенкрейцера [2]). Однако, по выраженію масоновъ, самопознаніе не исключало „человѣкознанія", которое достигалось постояннымъ общеніемъ съ ближними. Человѣческій разумъ „укрѣпляется стеченіемъ различныхъ мнѣній", самое „существо его расширяется посреди ему подобныхъ [3]). Но Ра-

---

[1]) Дѣйств. I, сц. 4.

[2]) См. Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 32.

[3]) Уставъ свободныхъ каменщиковъ. См. Рук. Имп. Публ. Библ., Мас. сборникъ, Q. III, № 153.

дотовъ не таковъ: онъ такъ углубляется въ самого себя, что прерываетъ всякое общеніе съ „профанами“, даже съ женой и съ друзьями. „Я въ счастливомъ самомъ состояніи, говорилъ онъ Бритягину, я въ бесѣдахъ самыхъ лучшихъ... Для меня теперь хотя... жена, дѣти, родня, друзья умри, все сіе меня не тронетъ болѣе, какъ это... (щелкаетъ пальцами)“ [1]). Всякой иной связи и чувствамъ онъ предпочитаетъ свое „душевное удовольствіе“, которое находитъ „во внутреннемъ спокойствіи для испытанія того, что отъ глазъ нашихъ закрыто“. Императрица считаетъ эгоизмомъ главную заповѣдь масоновъ: „Познай самого себя“. „Это называется, говоритъ Бритягинъ Радотову [2]), предпочитать своевольное хотѣніе инымъ уваженіямъ, и, отвратя глаза отъ всего свѣта, обратить взоръ на одного только себя. Всѣ твои домашніе справедливо отревожены твоимъ состояніемъ; ты отъ нихъ вовсе какъ внутренно, такъ и снаружи отдѣляешься. Позволь сказать, что съ ужасомъ я смотрю на твой новый образъ мысли: *онъ истребляетъ въ тебѣ равномѣрно естественныя связи и рожденныя съ человѣкомъ чувства*“. Обвиненіе серьезно, но совершенно несправедливо. Я говорилъ уже выше о томъ, насколько неправильно обвиненіе масоновъ въ аскетизмѣ и эгоизмѣ. Теперь я позволю себѣ, чтобы не повторять уже разъ сказаннаго, выписать въ отвѣтъ на это обвиненіе нѣсколько строкъ изъ одной рукописи [3]); эти строки нерѣдко можно найти въ масонскихъ сборникахъ. „Наша цѣль есть исправлять самихъ себя и своимъ примѣромъ и прочихъ, *внѣ нашего общества находящихся*, приводить къ познанію добродѣтели; слѣдовательно, всякій нашъ членъ обязанъ строго соблюдать всѣ правила честности, правды и благопристойности. *Нашъ орденъ есть средняя линія между религіей и гражданскимъ закономъ. Тотъ, кто съ нами соединится, обязанъ всѣ должности, налагаемыя на него духовною и свѣтскою властью, исполнять во всей точности,* а не по единой токмо наружности“. Выпишемъ еще окончаніе этой любопытной статьи. „Всякое существо страждущее и воздыхающее имѣетъ священное надъ тобой право; брегись когда-нибудь не признать онаго; не ожидай, чтобы пронзающій вопль бѣдности восклицалъ къ тебѣ. Предупреждай и утѣшай несчастнаго въ робости; не зарази тщеславіемъ источниковъ воды жизненной, въ которыхъ несчастный долженъ утолить свою жажду;

[1]) Дѣйствіе I, сц. 6.

[2]) Тамъ же.

[3]) Размышленія о наукѣ масонской. См. Рук. Имп. Публ. Библ., Мас. сборн., Q. III, № 153.

не ищи награды за твое благотвореніе въ пустыхъ плескахъ толпы народной: каменщикъ обрѣтаетъ оную въ нѣжномъ своей совѣсти и въ укрѣпляющемъ взорѣ Божества, предъ очами коего онъ благоговѣетъ непрестанно".

Екатерина, конечно, не могла просмотрѣть высоконравственаго ученія масоновъ; она хотѣла серьезнымъ образомъ разобрать и предать осмѣянію русскихъ масоновъ и увлеклась этимъ настолько, что не захотѣла признать за ихъ ученіемъ какого бы то ни было полезнаго вліянія; она все въ немъ признавала вреднымъ и попыталась возстать даже противъ филантропической дѣятельности русскихъ братьевъ. „Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ", говоритъ Брагинъ [1]). Бритягинъ возражаетъ ему: „Дѣла такого роду на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?"

Упрекъ этотъ, конечно, страненъ: такія дѣла вовсе не велись масонами „сокровенно"; они старались только о томъ, чтобы въ тайнѣ оставались имена благотворителей, членовъ масонскаго кружка. Екатерину возмущала эта замкнутость, присутствіе какой-то таинственности, которая вызывала въ глазахъ непричастныхъ лицъ зачастую суевѣрный страхъ, долгое время отражавшійся въ народныхъ воспоминаніяхъ о „фармазонахъ"; эта тайна, которой Екатерина придавала слишкомъ серьезное значеніе, дѣлала орденъ въ ея глазахъ похожимъ на тайное общество, преслѣдующее вредныя цѣли; въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ соблюдать какую-то тайну, если стремишься къ цѣлямъ, выполненіе которыхъ могло бы вызвать только поощреніе со стороны общества и правительства? Это непонятное противорѣчіе, сознанное и самими масонами, заставило Императрицу подозрительно относиться къ послѣднимъ и не довѣрять ихъ ученію; даже воззваніе масонства къ нравственному очищенію показалось ей притворствомъ. „Неужто есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ? и неужто *развращенный* какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели?" [2])

Екатерина не вѣритъ этой добродѣтели и отожествляетъ ее съ

---

[1]) Дѣйствіе V, сц. 1.
[2]) Дѣйствіе V, сц. 8.

лицемѣріемъ. Въ концѣ третьяго акта [1]) Бармотинъ учитъ новопринимаемаго Брагина лицемѣрію: „снаружи старайся казаться тихъ, смиренъ, скроменъ"; глаза надо возводить къ потолку, или смиренно опускать на землю. „У насъ водится такъ", поясняетъ онъ свои требованія.

Изъ всего сказаннаго ясно, что обвиненія, высказанныя Императрицею въ комедіи „Обольщенный" гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ „Обманщикѣ". Въ „Обольщенномъ" она не только осмѣиваетъ нелѣпость масонской обрядности и туманность масонской печатной литературы, но и признаетъ вреднымъ вліяніе послѣдней на общество. Сознавая это вліяніе, сильно не сочувствуя ему, она боролась между желаніемъ предать масонство легкому осмѣянію въ комедіи, заставляя зрителей смотрѣть на новое ученіе, какъ на глупыя сказки и дѣтскія игрушки, и желаніемъ наказать его представителей и тѣмъ положить предѣлъ быстрому распространенію масонства въ обществѣ; она пытается смотрѣть на него, какъ на „мѣхъ, наполненный однимъ лишь вѣтромъ", который „кидаетъ обыкновенно только пыль въ глаза" [2]); она старается игнорировать сильное распространеніе масонства, не замѣчать его вліянія на массу; однако вліяніе это было слишкомъ замѣтно, слишкомъ сильно и потому слишкомъ непріятно для Екатерины: невольно тонъ комедіи изъ шутливаго переходитъ въ серьезный, негодующій. Она ставитъ серьезныя возраженія и не можетъ удержаться отъ того, чтобы не выразить накипѣвшаго въ ней раздраженія. Она называетъ масонство „развращенымъ толкомъ", и въ концѣ комедіи устами Бритягина, резонера пьесы, высказываетъ предостереженіе „мартышкамъ съ печальнымъ видомъ". „По умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ... Вообще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались... Надзираніе, безспорно, въ рукахъ начальства. Благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію" [3]). Екатерина не можетъ скрыть своего раздраженія, которое въ третьей пьесѣ вылилось уже прямо въ формѣ угрозы. Итакъ, въ комедіи „Обольщенный" Императрица смотритъ серьезно на масонство; по ея мнѣнію, это ученіе вредное, развращающее и молодыхъ и ста-

---

[1]) Сц. 9.
[2]) Дѣйствіе V, сц. 2.
[3]) Дѣйствіе V, сц. 15.

рыхъ; оно убиваетъ въ человѣкѣ лучшія чувства, не давая взамѣнъ ничего, кромѣ нелѣпыхъ „правилъ и словечушекъ“, смѣшныхъ обрядовъ, „разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коимъ разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется“ [1]); оно вредно еще потому, что подъ покровомъ добродѣтели скрываетъ лицемѣріе и развратъ. Эти обвиненія, справедливыя только отчасти и притомъ исключительно по отношенію къ масонской обрядности и натурфилософіи, завершаются предостереженіемъ въ видѣ намека на благопріятныя для масоновъ времена, когда „кроткіе способы избираются ко исправленію“.

Однако, эти „кроткіе способы къ исправленію“ примѣнялись Екатериной недолго. Она была слишкомъ сильно возбуждена противъ масонства, и это возбужденіе росло въ ней вмѣстѣ съ ближайшимъ ознакомленіемъ съ масонскимъ ученіемъ. Воспитанная на сочиненіяхъ французскихъ энциклопедистовъ, Екатерина не понимала увлеченія мистицизмомъ и рѣшила положить конецъ распространенію его въ обществѣ. Но прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ правительственнымъ мѣрамъ, она рѣшила еще разъ предупредить масоновъ о грозящей имъ участи въ третьей комедіи своей противъ масонства „*Шаманъ Сибирскій*“. Комедія эта напечатана въ 1786 г. въ Петербургѣ. Это самая слабая изъ всѣхъ трехъ пьесъ, написанныхъ ею противъ „свободныхъ каменщиковъ“. Въ сущности нападки противъ нихъ здѣсь тѣ же самые, что и въ первыхъ двухъ комедіяхъ; они даже не занимаютъ главнаго мѣста. Разница только въ томъ, что масонъ-учитель выставленъ здѣсь въ чрезвычайно карикатурныхъ чертахъ. Герой пьесы—Амбанъ-Лай, сибирскій шаманъ, обманщикъ, прежде занимавшійся сапожнымъ ремесломъ. Это просто шарлатанъ, мелкій мошенникъ, выманивающій подъ разными предлогами деньги у простодушныхъ людей. Онъ готовъ за деньги на все: у какой-то купеческой вдовы онъ выманилъ деньги обѣщаніемъ показать ей покойника-мужа наяву; для этого онъ приводилъ къ ней два дня сряду какихъ-то нарочно наряженныхъ бородачей; со страху купчиха приняла ихъ за своего мужа [2]). За деньги же онъ давалъ всевозможныя предсказанія. Такимъ образомъ, какъ и прежде, Екатерина дѣлитъ здѣсь масоновъ на два разряда: обманщиковъ и обманутыхъ [3]). „Жаль, что у подобныхъ мудрецовъ буде обманъ не

[1]) Дѣйствіе II, сц. 8.
[2]) Дѣйствіе V, явл. 2.
[3]) Дѣйствіе I, явл. 12.

явенъ въ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ или за пазухою", говоритъ Кромовъ про „шамановъ". Далѣе онъ обращается къ обманутому Бобину: „Вы однако сходствуете съ шаманами: вы и они, слѣдуя мнимымъ правиламъ, обманываете сначала сами себя, а потомъ и тѣхъ, кои вамъ подаютъ вѣру" [1]). Отожествленіе масоновъ съ шаманами, конечно, нельзя назвать удачнымъ; раздраженіе заставило Екатерину изобразить масоновъ въ слишкомъ карикатурныхъ чертахъ, отчего серьезность ея обвиненій значительно пострадала. Не смотря на это, мы находимъ въ „Шаманѣ" нѣсколько новыхъ намековъ, затрагивающихъ тѣ стороны масонства, которыхъ Императрица не коснулась въ предыдущихъ комедіяхъ. Къ нимъ принадлежатъ прежде всего насмѣшки надъ такъ называемыми „высокими степенями" масонства. Бобинъ называетъ Амбанъ-Лая „сто сорокъ степеннымъ" [2]). Шаманы учатся своимъ наукамъ по степенямъ. „Сей прошелъ сто сорокъ степеней; на каждую они имѣютъ правила, чтобъ исподволь дойти до восхитительныхъ".—„То-то вѣкъ живи, вѣкъ учись, замѣчаетъ по этому поводу Сидоръ Дробинъ. Кто, братцы, изъ васъ когда слыхалъ, что есть правила... какъ по степенямъ, или исподволь съ ума сойти?... то-то наука". Позднѣйшее масонство, дѣйствительно, придумало множество „высокихъ степеней" или „градусовъ", въ которыхъ будто бы раскрывались новыя и новыя тайны. Наши масоны, несмотря на всѣ свои старанія, не могли добиться этихъ высокихъ степеней отъ своихъ западно-европейскихъ братьевъ; розенкрейцеры остановились на „теоретическомъ градусѣ Соломонскихъ наукъ", — 4-й степени розенкрейцерства,—и дальше не пошли. Другія системы остановились на первыхъ трехъ „іоанновскихъ" степеняхъ. Слѣдовательно, насмѣшка Екатерины не имѣетъ прямого отношенія къ русскому масонству. Гораздо важнѣе ея насмѣшки надъ приведеніемъ себя въ экстатическое состояніе путемъ самосозерцанія. Когда шаманъ „въ думахъ восхитительныхъ", онъ „аки внѣ себя". Онъ считаетъ подобное состояніе самымъ счастливымъ, хотя выказывается оно весьма страннымъ образомъ: бѣганьемъ, воемъ, мяуканьемъ, клохтаньемъ и проч. [3]). „Его товарищи всѣ, говоритъ по этому поводу Бобинъ, не въ примѣръ тому, еще производятъ болѣе голоса и тѣлодвиженій... Шаманы тому учатся по степенямъ". Въ концѣ концовъ они, „дѣлая

[1]) Дѣйствіе V, явл. 10.
[2]) Дѣйствіе II, явл. 2, 3.
[3]) Дѣйствіе II, сц. 2 и 4.

ребячества, похожія на дурачества", достигають того, что слывуть мудрецами и колдунами. Точно такъ же Радотовъ въ предыдущей комедіи предпочиталъ душевное удовольствіе, достигаемое самосозерцаніемъ, всякому другому чувству. Обвиненія эти слѣдуетъ считать, какъ я говорилъ выше, за плохо понятое стремленіе масоновъ къ душевному равновѣсію мудреца. По крайней мѣрѣ, намековъ на приведеніе себя въ состояніе экстаза мнѣ не приходилось встрѣчать въ масонскихъ рукописяхъ.

Остальные намеки, разсѣянные въ комедіи, сводятся всѣ къ прежнимъ обвиненіямъ. Такъ, подвергается насмѣшкамъ масонская мистика и туманный способъ изложенія мистическихъ сочиненій. „Свойства наши, говоритъ Лай, замыкаются въ восторгѣ, въ теченіи, въ пропитаніи, въ движеніи, въ теплотѣ, въ горькомъ корени; любовь и гнѣвъ имѣютъ одно основаніе, какъ соль, дѣйствіе, нефть, и пустота" [1]). Въ этихъ словахъ заключается намекъ на мистицизмъ масоновъ и на ихъ страсть къ аналогіямъ между мірами духовнымъ и матеріальнымъ; объ этой страсти я уже говорилъ выше.

Далѣе, какъ и въ первыхъ двухъ комедіяхъ, мы находимъ въ „Шаманѣ" насмѣшки надъ занятіями алхиміей, которыя однако Бобина отрицаетъ [2]):

„*Флена Дробина.* Правда ли, матушка, что про него (т.-е. Лая) разсказываютъ, будто онъ, потаенно заперпись въ погребу, солнечные лучи въ котлѣ распускаетъ и изъ нихъ какую-то мазь варитъ?

Бобина. Подобнаго я никогда не слыхала":

Распущеніе солнечныхъ лучей въ котлѣ, — это opus magnum, составленіе „философскаго камня"; мазь изъ нихъ, — конечно, „панацея"—универсальное лекарство. Странно, однако, что Екатерина такъ осторожно намекнула лишь на занятія масоновъ алхиміей, какъ будто она не имѣла основаній говорить о нихъ опредѣленно, тогда какъ въ первыхъ двухъ пьесахъ, особенно въ „Обманщикѣ", эти занятія занимаютъ видное мѣсто.

Вообще, со стороны серьезности обвиненій комедія „Шаманъ Сибирскій" стоитъ значительно ниже предыдущихъ: очевидно, Екатерина въ нихъ исчерпала всѣ свѣдѣнія свои по этому предмету и боялась повтореній. Однако она питала настолько сильное раздраженіе противъ масонства, что не могла не выразить его еще разъ; это раздра-

---

[1]) Дѣйствіе II, явл. 5.

[2]) Дѣйствіе III, явл. 3.

женіе особенно ясно замѣтно по тону комедіи: тонъ ея рѣзкій, негодующій; масоны выставлены въ чрезмѣрно карикатурномъ видѣ, для чего Императрица въ своемъ негодованіи не пожалѣла красокъ. Теперь она считаетъ уже масонство элементомъ вреднымъ не только для отдѣльныхъ лицъ русскаго общества, но и для всего государства; теперь она находитъ, что не только надо надъ нимъ смѣяться, но слѣдуетъ карать его приверженцевъ за успѣшную пропаганду вреднаго ученія, „несходнаго съ общимъ установленіемъ".

Шаманъ устраиваетъ во дворѣ Бобина школу: „Въ задней горницѣ, по стѣнкѣ, посадилъ на лавкахъ множество молодцовъ, передъ ними нагромоздилъ досокъ наподобіе налоя, и они дѣлаютъ нивѣсть выписи [1]), или что-то списываютъ; и пока пишутъ, онъ двери запираетъ ключемъ... Шаманскую школу что ли онъ заводитъ?" спрашиваетъ Бобина дворецкій [2]).

„Отъ плясуновъ (т.-е. учениковъ Лая)... не было бы оглядки... Со вчерашняго дня съ вечера число знатно умножилось, и бесѣда та продолжается и теперь". Къ Амбану, по свидѣтельству того же дворецкаго, „какъ пѣшихъ, такъ и въ каретахъ приходятъ и пріѣзжаютъ счету нѣтъ"...

Очевидно, Екатерина замѣтила быстрое распространеніе масонства въ обществѣ и опасалась его. Самъ Бобинъ боится, чтобы эти многолюдныя собранія не причинили ему хлопотъ. И вотъ его опасенія оправдываются: Лая берутъ подъ стражу, но уже не только какъ простого обманщика и грабителя, подобнаго Калифалкжерстону, но еще и за то, что онъ „завелъ шаманскую школу" [3]). Слѣдовательно, собранія масоновъ, на которыхъ изучались ихъ науки, вмѣстѣ съ послѣдними считаются вредными и требующими насильственнаго прекращенія. Дѣйствительно, далѣе Екатерина даетъ рѣзкое предостереженіе русскимъ масонамъ: „*Какъ свѣдаютъ доподлинно, колико его ученіе не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ, то достанется и тому, кто привезъ лжеучителя*... если не прямо, то по крайней мѣрѣ вскользъ" [4]).

---

[1]) Намекъ на выписки изъ мистическихъ сочиненій и на списываніе масонскихъ книгъ; изъ выписокъ масоны составляли сборники, въ множествѣ оставшіеся въ рукописяхъ.

[2]) Дѣйствіе IV, явл. 7.

[3]) Дѣйствіе V, явл. 6.

[4]) Дѣйствіе V, явл. 8.

„Какъ бы то ни было, совѣтуетъ далѣе Дробинъ, совѣтую тебѣ дружески: поѣзжай, братъ, ко мнѣ въ деревню... хотя на время“.

Екатерина прямо грозитъ здѣсь масонамъ, и, какъ извѣстно, за угрозами вскорѣ послѣдовало и выполненіе ихъ; Императрица осталась довольна „Шаманомъ“: ей удалось, наконецъ, выразить свое раздраженіе противъ масоновъ и пригрозить имъ серьезно. Позднѣе, въ 1787 г. она писала Циммерману объ этой пьесѣ: „Я очень люблю эту пьесу; но я очень опасаюсь, что она никого не исправитъ: нелѣпости живучи, а нелѣпости этого рода сдѣлались модными“.

Итакъ, послѣ ознакомленія съ комедіями Императрицы противъ масонства мы имѣемъ право сказать, какія стороны послѣдняго вызывали ея негодованіе.

„Просвѣщенный абсолютизмъ“ Екатерины II заставлялъ ее относиться враждебно ко всему тому, что не подчинялось ея контролю. Если она смотрѣла враждебно на слишкомъ строгую сатиру современныхъ журналовъ, то тѣмъ болѣе непріязненно должна она была отнестись къ масонству, которое возбуждало ея негодованіе своей рѣзкой критикой современной дѣйствительности, своей замкнутостью и своимъ мистическимъ направленіемъ. „По самому складу ума, говоритъ г. Пыпинъ [1]), холоднаго и наклоннаго къ раціонализму, — чѣмъ объясняется, между прочимъ, ея любовь къ французской философіи,—Екатерина не понимала и не любила ничего туманнаго, мистическаго; ей казалось, что всякое мистическое направленіе мысли есть всегда заблужденіе“. Вотъ почему и въ комедіяхъ своихъ она главнымъ образомъ нападаетъ на мистическое направленіе масонства. Подозрительнымъ казалось ей и существованіе какой-то тайны у масоновъ; добродѣтель ихъ она считаетъ лицемѣріемъ, самихъ масоновъ или обманутыми простаками или ловкими мошенниками: одни обольщаются глупыми и пошлыми надеждами на обогащеніе, другіе „пускаютъ имъ пыль въ глаза“ своею quasi—ученостью и обираютъ ихъ затѣмъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Самое масонское ученіе вредно для государства: оно развращаетъ молодежь, убивая въ ней лучшія чувства; подъ его покровомъ совершаются безобразныя оргіи; его быстрому распространенію слѣдуетъ положить наконецъ предѣлъ. Сперва Екатерина относилась къ масонству недовѣрчиво, а затѣмъ направила противъ него сокрушительные удары, какъ разъ тогда,

---

[1]) *Вѣстн. Евр.*, 1895, № 7, стр. 272.

когда расцвѣтъ масонства въ Россіи достигъ своего апогея, „посреди успѣховъ общества“, по выраженію Магницкаго.

Дѣйствительно, восьмидесятые годы XVIII столѣтія по справедливости считаются временемъ наибольшаго расцвѣта русскаго масонства. Центромъ, изъ котораго во всѣ стороны Россіи распространялось новое ученіе, была Москва. Въ ней масонство утвердилось съ особенной прочностью и здѣсь насчитывало себѣ наибольшее число приверженцевъ. Во главѣ всѣхъ московскихъ масоновъ стояли двѣ свѣтлыхъ личности—Новиковъ и Шварцъ. Оба, — одинъ своей издательской дѣятельностью, другой неутомимыми хлопотами въ поискахъ за истиннымъ масонствомъ и своими публичными лекціями, — наиболѣе способствовали распространенію и укрѣпленію новаго движенія. Имъ же вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами мы, главнымъ образомъ, обязаны тѣмъ, что русское масонство выдѣлилось изъ западноевропейскаго, подчинилось условіямъ русскаго общества, сузило свои цѣли, сдѣлалось выразителемъ того общественнаго движенія, которое до тѣхъ поръ смутно сознавалось въ обществѣ и которое нашло для себя наконецъ точку опоры въ масонствѣ. Я достаточно говорилъ обо всемъ этомъ выше, такъ же, какъ и о томъ благотворномъ вліяніи, которое должно было оказать масонство на современное русское общество. Однако, нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что новое ученіе имѣло и свои темныя стороны, которыя главнымъ образомъ заключались въ нелѣпостяхъ масонской науки и обрядности, хотя съ другой стороны, первая все же давала обильную работу современному уму; вторая же была уступкой духу времени, уступкой, безъ которой, можетъ быть, масонство и не пользовалось бы такой распространенностью; множество лицъ вступало въ орденъ, какъ мнѣ случалось уже говорить, изъ простого любопытства, а впослѣдствіи ревностно пропагандировало новое ученіе, ознакомившись съ его благими цѣлями. Къ темнымъ сторонамъ масонства принадлежитъ и его замкнутость, опять-таки вслѣдствіе приверженности къ буквѣ устава, наравнѣ съ обрядностью требовавшаго сохраненія какой-то тайны, неясно сознававшейся и посвященными.

Нельзя однако не замѣтить, что московское масонство само подавало поводы къ тому, чтобы возбудить подозрѣніе правительства.

Въ 1783 г. Новиковъ и Лопухинъ открыли въ домѣ Шварца тайную масонскую типографію. Изъ этой типографіи выходили преимущественно переводы сочиненій иностранныхъ мистиковъ, предназначенные для чтенія среди масоновъ исключительно. Вообще въ періодъ

времени 1779—1784 гг. изъ типографій Новикова и Лопухина выпущено было въ обращеніе значительное число книгъ, проникнутыхъ ненавистнымъ Екатеринѣ мистицизмомъ. Въ это же время (въ 1784 г.) при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* Новикова стала печататься въ видѣ особыхъ прибавленій „Исторія ордена іезуитовъ", гдѣ, между прочимъ, говорилось о несообразности съ духомъ монашества мірскихъ притязаній и стремленій образовать государство въ государствѣ [1]). Въ прежнее время, въ первой половинѣ царствованія Императрицы Екатерины, такой въ сущности незначительный фактъ, конечно, сошелъ бы съ рукъ Новикову. Но теперь времена измѣнились, гнетъ „просвѣщеннаго абсолютизма" чувствовался все сильнѣе и сильнѣе. Екатерина покровительствовала ордену іезуитовъ и не могла стерпѣть порицанія того, къ чему она относилась благосклонно. И вотъ 23-го сентября 1784 г. вышелъ рескриптъ, остановившій дальнѣйшее печатаніе „Исторіи ордена іезуитовъ". Все, что уже было отпечатано, Екатерина приказала отобрать. Это было первымъ ударомъ „вскользь", направленнымъ противъ Новикова, который остался одинъ главою масонства. (Шварцъ умеръ 17-го февраля того же года). Съ этого момента положеніе Новикова, съ которымъ и прежде Императрица не ладила вслѣдствіе извѣстной полемики „Всякой всячины" съ журналами Новикова, дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Въ томъ же 1784 г. вмѣсто прежняго московскаго губернатора Чернышева, покровительствовавшаго масонамъ, былъ назначенъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, далеко не отличавшійся терпимостью своего предшественника. Онъ ревностно возбуждалъ Императрицу противъ масоновъ, дѣятельностью которыхъ она и безъ того была недовольна; особенно сильно настроилъ ее Брюсъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда она была въ Москвѣ. Тутъ-то и начали сыпаться невзгоды на масоновъ: ихъ прежде всего обвинили въ солидарности съ сектой иллюминатовъ, которые противодѣйствовали іезуитамъ; орденъ ихъ былъ уничтоженъ въ 1783 г. [2]) 23-го декабря Императрица велѣла составить роспись книгамъ, вышедшимъ изъ типографіи Новикова; она видѣла въ нихъ „колобродство, нелѣпыя умствованія и расколъ". Въ это время она, очевидно, ознакомилась уже съ содержаніемъ этихъ книгъ и составила себѣ опредѣленный взглядъ на масонство. Екатерина рѣшила подѣлиться своими впечатлѣніями съ русской публикой,

---

[1]) *Лонгиновъ*. Новиковъ и московскіе мартинисты.

[2]) См. Findel. Geschichte der Freimaurerei.

и въ 1786 г., одна за другою были поставлены ея комедіи: 4-го января — „Обманщикъ“, 2-го февраля — „Обольщенный“ и 24-го сентября—„Шаманъ Сибирскій“. Эти комедіи, выражая собою мнѣніе Императрицы о масонствѣ, послужили вступленіемъ къ походу противъ послѣдняго и были какъ бы обвинительной ея рѣчью противъ него. Хотя вмѣсто уволеннаго Брюса и былъ назначенъ на его мѣсто Еропкинъ, не принимавшій на себя почина въ гоненіи масоновъ, однако Екатерина давала ему свои предписанія: изъ числа книгъ, выпущенныхъ Новиковымъ, 461 была опечатана и отослана на просмотръ митрополиту Платону. Вслѣдствіе распоряженія правительства еще во время Брюса много масонскихъ ложъ въ Москвѣ было закрыто. Въ это время, кромѣ того, при дворѣ возвысился Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, впослѣдствіи графъ; онъ началъ сильно противодѣйствовать масонамъ. Это было тѣмъ болѣе легко, что почва была уже подготовлена: Императрица возненавидѣла масоновъ. Но московскіе розенкрейцеры были еще сильны; они видѣли грозящую имъ участь и прибѣгли къ отчаянному средству, которое ихъ окончательно погубило. Именно, въ 1787 г. Новиковъ и его товарищи попытались достичь сближенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и у него искать поддержки и покровительства. Одинъ изъ петербургскихъ масоновъ, нѣкто Баженовъ, извѣстилъ московскихъ братьевъ о томъ, что великій князь отзывался о нихъ очень благопріятно. Московскіе масоны обрадовались этому обстоятельству и поспѣшили отправить Павлу Петровичу нѣсколько книгъ, среди которыхъ нѣкоторыя, вѣроятно, носили явно масонскій характеръ. Это окончательно ихъ погубило впослѣдствіи. При Еропкинѣ, въ 1787 г., „Типографическая компанія“ должна была ликвидировать свои дѣла вслѣдствіе указа Императрицы, запрещавшаго печатаніе книгъ духовнаго содержанія гдѣ-либо, кромѣ Синодальной типографіи. Въ слѣдующемъ году, 17-го октября, Екатерина указомъ запретила отдавать Новикову и Университетскую типографію, которая была у него въ арендѣ. Новиковъ остался безъ главнаго своего дѣла; кромѣ того, здоровье его за послѣднее время сильно разстроилось. И вотъ въ 1791 г., въ самый критическій для масонства моментъ Новиковъ прекратилъ свою дѣятельность въ Москвѣ и уѣхалъ въ деревню. Масоны, и безъ того уже чувствовавшіе шаткость своего положенія, остались безъ руководителя. А въ это время посыпались на нихъ новыя и новыя бѣдствія: закрыта была оффиціально ложа Мелиссино; хотя она и утратила свой масонскій характеръ и превратилась въ

грязный клубъ, тѣмъ не менѣе это закрытіе, сдѣланное оффиціально, произвело сильное впечатлѣніе на московскихъ масоновъ: ложи стали закрываться одна за другой сами.

Не обошлось дѣло и безъ окончательнаго удара: въ апрѣлѣ 1792 г. Екатерина положительно узнала о переговорахъ масоновъ съ Павломъ Петровичемъ. Начались слѣдствія, обыски, наконецъ состоялся арестъ Новикова и отправка его въ ссылку; сообщники его, знатнѣйшіе по фамиліи или званію, получили повелѣніе „жить въ деревняхъ своихъ“ [1]), что уже давно совѣтовалось имъ сдѣлать въ „Шаманѣ“. Тогда масонское общество распалось окончательно. Нѣсколько отдѣльныхъ ложъ работало еще нѣкоторое время, но это были уже послѣдніе обломки огромнаго прежде зданія, разсѣянные тамъ и сямъ и утратившіе связь между собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдніе остатки своего прежняго значенія.

Такъ погибло масонство XVIII вѣка; но оно пало, уже сыгравъ свою просвѣтительную роль. Дальше масонству идти было некуда: въ первыхъ трехъ степеняхъ масоны получали то, чего не давало имъ русское общество. Они увлеклись масонствомъ и стали тщетно добиваться „высокихъ степеней“. Вмѣстѣ съ 4-ю степенью розенкрейцерства въ масонство вкрались вредные элементы. Попытки идти дальше по этому пути привели, какъ извѣстно, въ XIX вѣкѣ къ печальнымъ результатамъ. Наоборотъ, въ XVIII столѣтіи масонство удовлетворило потребностямъ общества и затѣмъ погибло, исполнивъ свою миссію. Слѣдовательно, Екатерина, способствуя его распаденію, помогла масонству остановиться какъ разъ на томъ пунктѣ, откуда дальнѣйшіе шаги могли бы привести къ нехорошимъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, что масонство, тщетно добиваясь раскрытія новыхъ тайнъ, само по себѣ прекратило бы существованіе; слѣдовательно, совершенно несправедливое отношеніе Императрицы Екатерины II къ масонству нисколько не повредило его благопріятному воздѣйствію на русское общество. Слѣдуетъ лишь благодарить судьбу за то, что она не начала своихъ преслѣдованій нѣсколько раньше и не помѣшала масонству сыграть важную роль въ исторіи общественной жизни конца XVIII столѣтія.

---

[1]) *Магницкій.* Письма объ иллюминатахъ.

3 2044 011 343 977

